

МОН ЖИЗНЬ ТАК, КАК ОНА ЕСТЬ....

ПРЕДИСЛОВИЕ

Годы моей жизни / 1902-1964гг / о которых я хочу рассказать насыщены богатыми и бурными событиями в общественной жизни, науки во всех аспектах человеческой деятельности и я, естественно, как и всякий человек в своей жизни соприкасался с рядом людей, встретившихся на моем жизненном пути, о них и событиях сопровождавших этот период моей жизни, я и хочу поведать вам в описании "Моей жизни так, как она есть".

Моя жизнь в свете всего происходившего может показаться кому-то нарочито казуальной и не естественной, так как она по существу своей и здравому смыслу не должна быть у человека моего положения такой как она сложилась у меня, что и побудило потребность написать о ней.

"Моя жизнь так, как она есть" не какое-либо литературное творчество, а есть абсолютно правдивое описание событий и фактов того времени. Я не хочу осуждать ни своих собственных поступков, ни поступков встретившихся со мной людей, а также давать оценки что было правильно, и что нет в жизни общества того времени в котором прожил моя жизнь. Я говорю в своём описании только то что было, т.е. так она сложилась хотел я этого или нет.

Я ещё раз подчёркиваю, что я не руководствовался ни какими личными побуждениями и, если кто-либо из молодого поколения, когда-либо и прочтает написанное мной независимо от его взглядов и суждений о написанном, всё что здесь написано есть одна истинная правда.

В. БЛАСОВ

ПРЕДИСЛОВИЕ

В описании "Моей жизни так, как она есть" я имею цель показать, как сложилась моя жизнь и как в процессе её, я неизбежно, как и всякий человек соприкасался с рядом людей, встретившимися мне на моем жизненном пути, и также показать и некоторые моменты моей жизни, которые неизбежно наложили тот или иной отпечаток на мою жизнь.

Период моей жизни, который составляет более 60 лет, / 1902-1964 гг / был очень богат бурными событиями, в области общественной жизни, науки, и вообще всех сторон человеческой жизни не мог пройти мимо и меня, и моя жизнь при рассмотрении её в свете всего происходящего может показаться молодому поколению, как бы нарочито надуманной и не естественной, и ведь все, что написано мной в "Моей жизни так, как она есть" не какое-либо литературное творчество — (все это мной не предназначалось для этой цели), — а есть только абсолютно правдивое описание всяких фактов, из которых сложилась моя жизнь; Так как она по существу своему и здравому смыслу не должна у человека быть таковой, какой она сложилась у меня и, побудила меня написать о ней. В описании моей жизни я не хочу осуждать ни своих собственных поступков, ни поступков встречавшихся со мной людей, а также не давать оценку что было правильно, и что нет в общественной жизни того периода в который протекала моя жизнь. Я только говорю в своем описании то, что было, т.е. так как она сложилась хотел бы я этого или нет.

Я еще раз подчеркиваю, что я не руководился ни какими личными побуждениями и, если кто либо из молодого поколения, когда либо и прочтает написанное мной, независимо от его взглядов и суждений о написанном — я прошу помнить только одно: все, что здесь написано только одна истинная правда

В. ВЛАСОВ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1.

Семья, в которой появился я на свет, состояла из дедушки, бабушки, отца и матери. Она занималась крестьянством, а дед и отец в дополнение к нему, были плотники и работали у различных подрядчиков.

Событие это произошло 31-го июля 1902 г. (по старому стилю) в селе Ивановском, Холуден^ново Андреевской волости, Александровского уезда, Владимирской губернии.

Село это было чисто крестьянское и состояло из 42 дворов, двумя сторонами своими упиралось в речку "Малый Киржачь". По середине села была красивая каменная церковь, обнесенная каменной оградой с железными решетками и обрамленная изнутри березами. Во все четыре стороны от села на расстоянии от 1-го км до 2-х простирались широкие поля, из которых два всегда были покрыты хлебами.

Речка "Малый Киржачь" причудливо извивалась по красивым лугам на расстоянии не менее 4-х километров, которыми пользовались крестьяне нашего села. С трех сторон от села были леса, и в одну сторону лес начинался от села за один километр и тянулся десятки километров. Ближайшая станция железной дороги Балакирево была в десяти километрах, и уездный город Александров в 18 километрах.

В совокупности село находилось в красивейшей местности в природном отношении и благоприятном экономическом.

Наше хозяйство было очень бедным: в хозяйстве была одна очень плохая лошаденка, одна малопродук^тивная корова, не более двух овец, своего собственного хлеба никогда не хватало до нового урожая. Дом был до того ветхим, ему было не менее 70 лет, так что в окно, если его открыть, можно было вступить ногой прямо на землю, т.к. окна были на уровне земли. Окна были постоянно наполовину без стекол, вместо которых висело тряпье. В доме была полуразваливающаяся русская печь, полугнилой стол, две лавки по стенам и все, — о кровати не было понятия, спали прямо на полу, постелив солому и на нее дерюгу. Эта бедность нашей семьи еще усугублялась тем, что дед и отец были пьяницами, и их заработок в плотниках ни в какой степени не помогал семье, а в сельском хозяйстве в основном работали мать и бабушка, а дед и отец не уделяли внимания: — все это вместе взятое и породило ту бедность, в которой находилась наша семья.

Осенью, 1903 года, когда мне было 6 лет, отец купил мне

букварь, и сразу показал мне пять первых букв, которые я усвоил быстро и с этого началась моя грамота. В 1902 году семи лет я был отдан в школу, но к моменту поступления я уже читал, считал до сотни и даже знал несколько стихов из букваря — "Сиротку", "Ниву" и другие. Школы в нашем селе не было, и все из нашего села учились в селе "Кишкине", это в 4-х километрах, : Там была 3-х летняя школа открывшаяся в 1907 году. Все дети ходили пешком, а зимой по очереди возили на лошади утром и вечером. В Кишкине жила семья, из которой была взята моя мать, был жив дед по матери, звали его Иосиф, это был человек, в котором были сосредоточены все человеческие добродетели, какие только возможны для человека.

Во время учебного времени, в течение всех трех лет, я жил в их семье и находился все время под неустанным вниманием ^{и воспитанием} деда Иосифа, ~~и~~ дополнительно к его доброте, он был и грамотным человеком, по тому времени, только эти условия и дали мне возможность окончить эту начальную школу. Учился я хорошо, был любимым у учительницы, мне только очень плохо давалась каллиграфия, не смотря на все внимание ко мне учительницы Покровской Анны Павловны, так я и не научился хорошо писать.

В 1912 году я окончил эту школу с похвальным листом и свидетельством. Я очень хотел учиться, меня все интересовало, но в гимназию я не мог попасть только из-за бедности, т.к. документы об окончании земской школы давали мне право поступить в гимназию без экзаменов. Я любил читать, никаких библиотек в селах не было и единственными источниками были, бывшая учительница, местный священник и на деньги, которые в количестве 3-5 копеек давали мне иногда на "гулянье" я покупал какую либо книжечку.

После весеннего паводка любимым препровождением времени у ребят моего возраста было гулять по лугам, и переправляться всякими способами через речку. Однажды весной 1913 года я и мои сверстники устроили плохой переход через узкую, но с очень сильным течением протоку у одного острова, ниже которого был глубокий омут, и река под прямым углом делает отворот. Переходя через него я не удержался и меня бурным течением понесло на спине ногами наперед и я одной рукой зажал рот и нос; пронесло меня метров до 50 и прижало к прибрежным кустам, поставило как то на ноги, т.е. наполовину я высунулся из воды и затем по ним выкарабкался на берег. Просто каким то чудом я остался жив — это было первое "покушение" на мою жизнь со стороны природы. Это событие не могло бесследно пройти, и сильно отразилось на моем дальнейшем состоянии, в особенности первое время, я не мог

пройти через быстро бегущий ручей или речку по переходу, чтобы не ~~ун~~ упасть, у меня появилась какая то "водобоязнь", кроме того отразилось на моей смелости и резвости вообще, я стал как то робок и застенчив.

II.

Осенью 1914 года по протекции одного купца из Александрова, у которого плотничали мой дед и отец, я был взят мальчиком, учеником к купцу в местечко "Струнино" по фамилии Кузьмину Александру Яковлевичу, имевшему небольшой мануфактурно-галантирейный магазин. Условия того времени были таковы: я должен был прожить у него три года без зарплаты, но на полном его содержании. Мой хозяин был человеком очень прогрессивным, проявлял открытое и резкое недовольство самодержавием, был ярким атеистом. Во всем доме не было ни одной иконы, и он с большой иронией и резкостью высказывался о религии. Мне с первого дня было сказано "здесь не молиться, это не деревня". Он был тесно связан с рабочими и крестьянами, у него частыми гостями были люди с фабрик и деревни. Такое же простое отношение было ко мне и домашней прислуге. Мои первые дни пребывания для меня были очень тяжелы, т.к. они были вызваны резким переходом от одного образа жизни в другой. Мне был предоставлен доступ по дому всюду, и я с каким то страхом проходил в дверь, где висели тяжелые шелковые портьеры, за ними мне казалось, что то неведомое, такое же впечатление производили на меня и ковры на полу.

Я, не имеющий понятия о кровати долго не мог освоиться / что это для меня / с постелью, которую мне дали, которая состояла из небольшой перины, атласного ватного одеяла, подушки и простыней. Так же первое время меня угнетала и одежда, которая мне была сшита по спец-заказу, начиная с шерстяного костюма, вплоть до "бабочки". В первый же вечер мне был устроен "экзамен" по знаниям. Мне были заданы вопросы: "О Сотворении Мира", о Всемирном потопе", Пророке Илье" и еще кое о ~~иных~~ чем из учения о религии. Я отвечал хорошо, но вдруг хозяин резко закричал, стал выражаться и спросил: ведь ты из крестьян? Я сказал, что да, и заплакал, думая, что я плохо знаю и что меня не возьмут / чего я боялся /. На шум из кабинета вышла хозяйка и стала его упрекать за шум, он ответил, что возмутительно, какой способный мальчик, сколько он все усвоил, а на кой черт это все нужно, нужна арифметика и другие знания. Тут же он добавил: " ладно Василий, не плачь, мы с тобой будем заниматься

по учебникам "Гимназии на дому", что в дальнейшем и было. Вследствие внимательного отношения хозяина ко мне, я быстро освоился, мне оказывалось большое доверие, я отпускал товар, получал за него деньги и даже ежедневно шел сдавать в сберкаассу выручку, подсчитывал ее сам. Вечерами в свободное время я читал вслух хозяину, лежавшему на диване, газету "Русское слово" и журнал "Циву".

В начале 1915 года мой хозяин торговлю закрыл, мотивируя тем, что рабочие недовольны ростом цен, а я не хочу слушать их упреки. Практически он на росте цен ничего не зарабатывал, в силу того, что мелкая торговля не поспевала за ростом цен оптовиков. После окончания торговли я снова очутился в деревне, т.е. дома.

Осенью 1915 года отец был взят в армию, а весной 1917 года вернулся. За его отсутствие я и мать вели хозяйство. В это время наша семья прибавилась, у нас стало детей уже пять человек: из которых я был старшим, т.е. появились у меня три сестры: Груша, Наня и Поля, и брат Федор. Дед и бабушка с нами уже не жили, а от нас отделились и жили самостоятельно. Наше хозяйство по-прежнему было бедным, и в таком состоянии застало нас ~~то~~ время великих потрясений, т.е. Февральская Октябрьская революция и Гражданская война, вызвавшие разруху и голод. Наше хозяйство будучи ни городским, ни деревенским оказалось в тяжелом состоянии, подверженное наступившему голоду. В силу таких обстоятельств весной 1918 года я нанялся за хлеб и картофель пасти овец в своем селе. 1919 г. весной было тоже самое, получая хлеб за работу пастухом, я давал возможность жить семье. Осенью 1919 г. я поступил работать на железную дорогу ремонтным рабочим на станцию Александров. По существу эта работа ничего мне не давала, там платили деньги, которые в то время ничего не стоили, месячный заработок был примерно равен килограмму хлеба на рынке, а пайка не давали, и я все питание для себя возил из дома. А цель работы заключалась только в том, что как бы вырваться в люди, но из этого ничего не вышло и весной 1920 года я снова оказался дома в деревне.

С весны я совместно с отцом начал работать плотником, но летом отец был принудительно, как в армию мобилизован по специальности плотника Комитетом по трудовой повинности "Комтруд", одновременно с ним был также ^{мобилизован} как портной Логинов Н. Это произошло в разгар полевых работ, то я и Логинов Алексей пошли работать взамен своих отцов. Работали в г. Александрове совершенно бесплатно и нам не давали ни какого продовольствия, ни одежды и такая мобилизация Комтрудом была тяжелее, чем в Армии. В одну из поездок домой за хлебом, был такой случай, т.к. в то время в поезд поехать было трудно, мы с

Алексеем повисли на подножку пассажирского вагона, но в то время паровозы отапливались дровами, извергая кучу искр. Не доезжая разъезда Гогнино, на мне от них загорелась одежда, рук опустить я не мог, — это была гибель под колесами, и начал сильно кричать, случайно услышал проводник вагона и я был им втащен в тамбури избавлен от огня. Но тут новое несчастье: нас, как безбилетных арестовали и повезли в Ростов, но в Рязанцеве нас под охраной за это заставили грузить дрова на паровозы, и вот при погрузке на один, шедший в сторону Александрова, как только дрова были погружены и поезд пошел, мы под стрельбу охраны вскочили на поезд и уехали / сбежали! /

II.

В августе 1920 года я повстречался с Матвеевым Яковом (товарищем по школьной скамье), который был секретарем Уездного комитета Комсомола, последствием данной встречи было, что я, совместно со мной и Логинов А. через Уездный комсомол добровольцами вступили в военную школу в г. Владимире. Условия в этой школе были очень тяжелые, питание: голодный паек, хлеба составлял 300 гр. и незначительный приварок, жалованье курсантов было 900 рублей в месяц, но они были равны на рынке двум маленьким пирожкам с картошкой, оболочка которого из раскатанного теста была не толще бумаги. Помещение совершенно не отапливалось, даже вилтовки, внесенные с улицы зимой, не могли оттаять, стекла наполовину в окнах не было, вместо их было забито не вилтовую досками, и во время пурги утром около наших топчанов / постелей / весь пол был покрыт снегом, который не таял. Занятия проводились усиленно, и кроме того приходилось участвовать в операциях по борьбе с бандитизмом, дезертирством и кулацкими восстаниями. Несмотря на все это дух курсантов был боевой и полный решимости выполнить любое задание (курсы состояли исключительно из молодых моего возраста). Для иллюстрации приведу только один маленький эпизод. Вначале формирования школы мой командир взвода назначил меня с какого то пункта в г. Владимире отвезти в другое место пойманных не то бандитов, не то дезертиров в количестве 2-х человек. Я взял винтовку "Гра" / это однопатронная винтовка французская, как русская "берданка" /, спросил о патронах, — нет патронов, — ответил командир, как хочешь, и я пошел. Винтовка не имела даже ремня, я её привязал на свой деревенский кушак. Одет я был так: на мне был деревенский пиджак и на ногах лапти, в таком виде я и вел их. Если присмотреться со стороны, то трудно понять

кто бандит, а кто конвоир. Я пока вел и дума, что если они попытаются побегать, что я буду делать, но все обошлось благополучно, я их довел туда, куда нужно, "действительно у страха глаза велики"....

В дополнение к питанию служили деревенские сухарики, за которыми приходилось ездить из Владимира домой. Одна из таких поездок была таковой: это была поездка к Рождеству т.е. к 25 декабря / ст.стиля/. Железные дороги того времени были перегружены всякого рода пассажирами, военными, ^и мешочниками, спекулянтами и всяким прочим сбродом. Ехали где попало: в тайбурах, буферах, кровелях / это считалось вполне хорошо / и даже висели на подножках. На пассажирский поезд, идущий на Москву, нам сесть не удалось / не смотря на наши мандаты и формы курсантов/, мы поехали в Александров через Иваново, ^{ружмилки} до Коврова ехали на ученическом, а там забрались в товарный вагон ^{дровами}. Логинов Александр не мог бороться со сном и сон неизбежно вел его к замерзанию и только мое непрерывное вмешательство в его сон спасли его от этого. В Александров добрались только в самое Рождество и от туда пешком до Ивановского. Накануне была пурга, и в такой праздник никто никуда не ехал, и не было ни одного следочка на дороге. К полудню было морозно, мы были в кожаных сапогах, что еще сильно отражалось на ходьбе. Не доходя километра три до дома Александр ослаб, лег на снег и не мог идти. Оставив его в таком состоянии, я ушел, и придя домой сказал об этом отцу, и он на лошади привез его, только это и спасло его от замерзания.

Весной, 1921 года школа была окончена. Меня, как окончившего школу в числе первых шести человек, оставляли в ней в качестве командира при школе. Я не согласился и был направлен в г. Александров в качестве командира в Александровский территориальный батальон. Там в нем не оказалось штатной должности, и я был ими направлен в распоряжение Уездного военкомата. Но так как мой год рождения не был призван в армию, уездный военкомат не мог меня направить куда-либо, предложив мне в качестве добровольца вступить в какую угодно воинскую часть. По настоянию семьи / а она еще прибавилась на одного человека - родился брат Иван /, находившейся в полуголодном состоянии, я остался дома. До осени 1922 года я совместно с

+ / Мешочники - люди, ездившие из городов в хлебные места за хлебом и имеющие право провозить ограниченное количество.

отцом и другими артелями работал плотником по деревням за овес и картошку, за исключением апреля и мая месяцев, в период которых я обучал допризывников в г. Александрове в должности инструктора роты, по мобилизации Александровского военкомата.

Осенью 1922 года я поступил на работу в охрану Симоно-Лучковского завода. Этот завод находился между Владимирской и Ярославской губерниями, 25 км. от ст. Рязанцево Северной железной дороги. Такая работа мне не понравилась, к тому же она очень плохо оплачивалась, и я в январе 1923 года ушел от туда и снова вернулся в деревню и до марта 1924 года, как и раньше, работал плотником по деревням. За весь период времени по окончании школы и до марта 1924 года я очень внимательно читал газеты и различную литературу, в том числе и политическую. Мои взгляды, высказывания и поведение, в особенности антирелигиозные взгляды / они у меня сложились с 1915 г. в понятиях у людей, с которыми я совместно работал, а также и у жителей нашего села, что я "Комсомол", так меня все и звали "Васька Бласов - это Комсомол".....

Я начал брать уже книги из Волостной библиотеки в Годунове, где библиотекаршей работала в то время молодая комсомолка из рабочих Струнинской фабрики Шмелева Мари Васильевна / я с ней встречался и теперь - она живет в Переяславле - пенсионерка/. Под её руководством и при её влиянии я стал более систематически заниматься политической литературой.

Осенью 1923 года я был принят кандидатом ВКП(б) в Годуновскую волостную ячейку, в которой до меня было на всю⁺ волость шесть коммунистов. С осени 1923 года и до марта 1924 года я прожил в семье.

19.

В марте 1924 года производился набор добровольцев в Красную армию молодежи рождения 1902 года, в местные караульные команды, для досрочной смены уставшего 1901 / он был взят еще в Гражданскую войну/. Я решил откликнуться на это и добровольно снова вступил в Армию и был назначен на службу в г. Александров, в караульную команду по охране артиллерийского склада. В этой команде было до 100 человек, она делилась на пять отделений. Я, как окончивший военную школу, был назначен командиром отделения. В августе я был направлен

+ / Волость - административная единица, равная 1/4 теперешнего р-на

на переподготовку комсостава в Нижегородскую военную школу, в которой пробыл до декабря м-ца и снова вернулся в свою команду. С первого дня службы в нашей команде был общеобразовательный кружок, в котором начались занятия на уровне пятого класса настоящей школы в котором я очень аккуратно занимался, кроме того, я нес службу командиром, ходил в наряд не на посты, а караульным начальником, имел много свободного времени, которое я использовал исключительно за книгами по различным отраслям знаний. Кроме того, с осени 1925 года я начал заниматься заочно в Ленинградском Рабфаке. В октябре 1925 г. наша команда была перестроена в отдельную стрелковую роту двух взводного состава по 75 человек в каждом взводе и я был назначен командиром взвода со всеми вытекающими отсюда последствиями: жил уже на квартире, получал 70 рублей в м-ц, бесплатное продовольствие и обмундирование. С ноября 1925 года я стал членом ВКПб. Служба проходила хорошо, я всегда был в жизнерадостном и оптимальном настроении, личная жизнь и свободное время проходило весело, создавался круг хороших друзей и товарищей гражданской молодежи города, в особенности среди комсомольцев и в частности среди учащихся Педтехникума. В феврале 1926 г. я был участником Владимирского Губернского съезда комсомола / делегатом Александровской делегации/, где я познакомился с поэтом Александром Безымениским, где тоже очень интересно и приятно было проведено время.

Период моей службы в Армии в Александрове / 1924-1926/ был для меня началом моего быстрого роста в области: общеобразовательных знаний, и общественного развития. В начале марта 1926 года я был из Армии демобилизован и Укомом КПСС направлен на работу в порядке существовавшего в то время лозунга "Лицом к деревне!" в Овчининскую волость, на полит-просвет работу, на должность зав. волостной избой-читальней и волостной библиотекой и одновременно парт. организатором. В то время на всю волость существовали две парт. ячейки, а по приезду меня в одной части волости в пределах двадцати деревень была организована еще парт. ячейка, секретарем которой был избран я. Весной я был также избран председателем месткома волостного объединения союза "Раброс" / Профсоюза работников просвещения/, в который входило до 60 человек учителей. Волостная изба-читальня и библиотека находились в с. Овчинино, а Волосполком в 6 км. от него в м. Паньково / это имение и дом какого-то помещика/. Село Овчинино состояло из 120 дворов, имело в основе хорошие культурно устроенные домики в две стороны с широкой улицей и небольшим садиком под окнами каждого домика, а также и фруктовыми садами.

Население его мужчины все поголовно находились в Москве на стоярных работах, а женщины занимались сельским хозяйством, которое из-за малого количества земли, было очень не большим. Я в течение всего времени жизни в Овчинине жил на квартире совместно с женой с семьей в одном доме, имея маленькую комнатку за перегородочкой. Семья моих хозяев была Смоловы. Семья их состояла из хозяина Дмитрия и хозяйки Натрени, им было уже не менее 50 лет, я их звал просто дедушка и бабушка, а они меня "Вася". Наши отношения сложились просто по семейному и я со всей их семьей жил очень дружно, и мы были очень довольны друг другом. У них были дети: дочь Нада - 19 лет, сыновья Коля 16 лет и Костя 14 лет. Обстановка в которой началась моя работа была хорошая, я был хорошо принят со стороны местных работников и у меня с ними за весь период работы были все время хорошие и товарищеские отношения. Это были: председатель Волносполкома - Пурганский Михаил Васильевич, коммунист из учителей, ^{секретарь} Волкома КПСС Муханов Иван Федорович из Кольчугинских рабочих, Волжен.организатор Никольская Татьяна Николаевна из рабочих фабрики Карабаново, зав. волполитпросвет Андриянов Алексей, директор Овчининской школы Взоров Михаил Николаевич, учительница этой школы Услова Антонина Николаевна / она же секретарь месткома /, комсомолка из окончивших Советский Педтехникум, председатель Овчининского сельсовета Васягин Константин Сергеевич, из местных крестьян-бедняков. Все эти люди были очень преданными своему делу, честными, обладали правдивостью и прямотой во всех вопросах, вытекающих из их обязанностей по их работе, примерным поведением в личной жизни и хорошими товарищами; совместно с ними хотелось работать и жить. За работу по-прежнему я взялся с интересом и энергией, с ней я справлялся, нельзя сказать, что она была идеально поставлена, но мое прямое начальство моей работой было довольно. Мне как-то удалось хорошо привлечь к культурно-воспитательной работе сельскую интеллигенцию: как-то мед.работников, учителей / последних еще и потому, что я был пред. месткома / и других. И я хочу быть очень объективным и сказать, что вся сельская интеллигенция в тот период очень хорошо отзывалась на мои просьбы и принимала активное участие в проведении массовой воспитательной работы, как-то: чтение лекций, постановки спектаклей, концертов, разного рода вечеров, а также и в проведении массовых политических и хозяйственных мероприятий, проводимых парторганизацией, а также в работе сельско-хозяйственной и потребительской кооперации, что имело большое значение в тот

период времени / период НЭПа /.

У.

В 1926 году в Овчинине уже было создано общество потребителей, правление которой состояло из лиц настроенных /нап-мански /, т.е. заинтересованных в усилении НЭПа. Председателем правления был Паленов Д.П. из крупных кулаков, бывший офицер старой армии, а также и остальные члены правления принадлежали к зажиточной части населения, вследствие чего деятельность ОП развивалась очень слабо. Она искусственно велась так, чтобы не развалиться совсем, и не двигалась т.е. не расширялась.

В феврале 1927 года собрание уполномоченных избрало новое Правление, в него вошли: Романов - местный, из крестьян бедняков, коммунист - председатель Правления. Осипов Иван Осипович из крестьян-середняков, закупщик казначей, Мельников Григорий Иванович / бывший член правления, он же ст. бухгалтер О.П. / из зажиточных крестьян. Бухгалтером я и еще не помню кто были приходящие члены правления. Романов оказался непригодным и был через два месяца освобожден. Председателем стал Осипов И.О. и я был избран закупщиком-казначеем, это было по настоянию Волкова КПСС, по мотивам, что я когда-то знал торговлю. Торговая работа была моим призванием, работать я начал с большим желанием, не считался ни с каким временем. Осипов И.О. /председатель правления / был очень добросовестным, честным и хорошим работником и прекрасным товарищем. Мельников Г.И. хорошо знал бухгалтерию и торговую работу, был хорошо грамотным / окончил гимназию /, культурным, честным человеком и хорошим товарищем. С ними я хорошо сработался и быстро освоился со всеми своими обязанностями. При такой нашей дружной работе О.П. быстро стало развиваться, как по товарообороту, так и организационно, т.е. увеличилось количество пайщиков, стало три магазина вместо одного. В августе я был направлен правлением на трехмесячные торговые курсы Александровского райпотребсоюза в г. Александрове. На этих курсах я был назначен старостой, в моем распоряжении было все хозяйство, учебные принадлежности и питание курсантов. Кроме того, имея что я был курсант, я еще был преподаватель обществоведения, получая равную оплату, как и другие преподаватели. Преподавательский состав был хороший, курсы всем необходимым были обеспечены хорошо, учеба проходила регулярно, усвоимость среди курсантов была хорошая. И так - состав их был подобран подготовленный и грамотный.

В ноябре курсы были окончены и я получил удостоверение с указанием, что могу занимать должность инструктора в Ц.Р.К.А. / центр. рабочий кооператив /. До ухода в армию, т.е. до марта 1924 года моя личная жизнь, как молодого человека, по сравнению с моими сверстниками из Ивановского у меня была не похожа на них: будучи бедняком / последний работа считалась уже позорной / к тому же понятие обо мне как "комсомола" отталкивало от меня девушек нашего села и они не дружили со мной, к тому еще было и влияние их родителей. Иногда у меня и возникала дружба с девушками из соседних с нашим селом деревень / там мое имущественное состояние было известно плохо /, но эта дружба не смогла создаться серьезной. Со стороны матери была попытка заставить меня жениться / такие предложения были / на девушках из зажиточных семей из соседних деревень, как тогда выражались, с получением приданного для заведения личного отдельного от нашей семьи хозяйства, но мной такие варианты, к неудовольствию матери - отвергались. В армии в Александро-во, где я уже говорил имел знакомство среди гражданской молодежи, с которой я познакомился через товарищей, которые были из Александро-во и служили вместе со мной в команде, такие, как я добровольцами. Из среды этой молодежи я подружился с девушкой Лаврентьевой Марией она только что окончила школу второй ступени и работала в Карабанове /пролетаризировалась /- она происходила из семьи железнодорожников, отец её умер от тифа, в семье оставались мать, два брата, один из них механик, другой был в возрасте не более 15 лет и сестры, не живущей с мужем, имеющей свой дом на поселке "Замчаловка". Вся семья была очень консервативно-мещанских взглядов, в частности старший брат. Наша дружба была искренне-чистой, но это длилось не долго, до вмешательства семьи. Наше знакомство началось в январе 1925 года, а весной она мне рассказала, что она подвергается большим нападениям и что брат ей заявил: "что я терпеть не могу, чтобы моя сестра была знакома с командиром Красной армии". Все нападки, которым она подвергалась в течение лета за наши встречи, а они порой доводили до потасовки, она не выдержала и осенью наша дружба разрушилась. Работая в Овчининне я не смог серьезно подружиться с какой либо девушкой, как-то не встречалось такой или вообще не получалось, по причинам и самому непонятным. Летом 1927 года я отпуск проводил в Карабанове и имел в это время намерение жениться. В период отпуска / две недели / в Карабанове по рекомендации тети Паши / сестра отца, она была ткачихой / познакомился с некоторыми девушками, но все это кончалось ни чем. В период нахождения в Александро-во на

курсах я также навещал Карабаново, и моя сестра Груша / она работала там прядильщицей / познакомила меня с её подругой и девушкой Первушиной Александрой Михайловной. Ей было тогда 21 год, которая и стала моей женой. Она не работала, была в своей семье, как хозяйка, т.к. её мать умерла, когда ей было десять лет, и её отец вновь не женился, а воспитывал детей один. Кроме её в семье было два брата моложе её, которые учились. Отец её работал литейным мастером и семья материально была обеспечена.

У1.

По окончании курсов с начала декабря, я был мобилизован, как командир запаса, для обучения допризывников. На работу в Овчинино вернуться не смог. Учебный пункт был в с. Ваулове, от Овчинино 20 км. и 20 километров от железной дороги Александров-Иваново и я на выходные дни ездил в Карабаново. В начале февраля 1928 года я снова вернулся в Овчинино, т.к. когда я был на учебном пункте, прошло собрание уполномоченных и я снова был избран в правление.

По возвращении Осипов И.О. / он снова был избран председателем / от работы отказался по мотивам многосемейности и малой зарплаты / он был столяр и уехал в Москву /, я был избран председателем и остался работать, совмещая свою работу с работой закупщика и казначея. Вторым работником был Мельников Г.И., он был бухгалтером и членом Правления. С ним я очень хорошо сработался, и мы не только очень дружно работали, но стали хорошими товарищами. В течение года, т.е. до марта 1929 года, наше О.П., бывшее в системе Александровского райсоюза в числе отстающих / имело протестован~~на~~е^{на}е^е / вышло в число передовых и стало вполне кредитоспособным. Я по-прежнему в Овчинине жил один, Александра Михайловна жила в Карабанове и работала. Я на каждое воскресенье ездил в Карабаново, что создавало много трудности и вообще ненормальный образ жизни, вследствие чего я стал иногда в Правлении райпотребсоюза просить или отпустить меня, или дать возможность работать по ближе к семье.

В связи с затруднением торговли хлебом в начале марта 1929 г. в наше и Вауловское О.П. для составления списков нуждающихся в хлебе / после чего стали продавать муку только по этим спискам / был командирован уполномоченный Александровского Уисполкома Корольков Сергей Иванович и также таким уполномоченным был я. В это время должен проходить волостной съезд Советов, по настоянию Волкова КИСС я должен был избираться Председателем Волисполкома / Пурганского И.В. взяли на работу зав. У.О.Н.О. / но по настоянию Королькова С.И. за-
явление

вившего, что меня берут на работу в Райпотребсоюз, моя кандидатура была снята. В марте 1929 года состоялось собрание уполномоченных на котором мне с большим трудом удалось отказаться, и председателем был избран Груздев из деревни Большие горки, из демобилизованных красноармейцев, командированный нашим О.П. на кооперативные курсы и окончивший их. Я был выдвинут из председателей О.П. в Райпотребсоюз на должность технического заведующего торговым отделом.

Так хорошо закончилась моя трехлетняя жизнь и работа в Овчинине, и у меня на все время сохранилось воспоминание о жизни, работе и людях, работающих и соприкасающихся, и живущих со мной, как о самом лучшем времени в моей жизни. Эти три года характерны тем, что они являлись началом моей общественной работы в гражданских условиях и самостоятельной жизни вообще, протекавшей в мои молодые годы. Годы, полные оптимизма и лучших надежд, к тому же так хорошо сложившимися во всех областях моей жизни.

УП.

Привыкнуть к такому резкому переходу в работе от одной должности к другой, я не мог очень долго. Ведь почти все сотрудники Райпотребсоюза, которых я несколько дней назад только просил для О.П. товара или по расчетам и вообще что-нибудь, а теперь стали моими подчиненными. Летом 1929 года началась реорганизация управления, ликвидировались губернии, уезды и волости. Создавались районы, округа и области, т.е. проходило укрупнение административных единиц. Райпотребсоюз был реорганизован в окружной, в который вошло семь районов, без райсоюзов. Всего было до восьмидесяти сельпо и горпо. Я был назначен техническим зав. торговым отделом окружного союза и затем заготовительного. Семейная жизнь по настоящему не была еще устроена. Александра Михайловна жила и работала в Карабанове, а я жил в Александрове один. В июле у нас родилась наша первая дочь Зоя. В сентябре я был взят в армию, на сбор и находился целый месяц в городе Рязани / это была частичная мобилизация / Зимой, в начале 1930 года снова началась реорганизация: это ликвидация округов и расширение административной деятельности районов, которые стали подчиняться прямо области. С весим 1929 года я начал учиться заочно на Московских высших торговых практических курсах Центросоюза, т.к. в моей попытке поступить учиться на Ленинградские высшие практические курсы осенью 1928 года было отказано из-за большого напыла и недостаточного стажа моей кооперативной работы / не было трех лет /.

Работа в Райпотребсоюзе и Окрпотребсоюзе носила характер

неуравновешанный, много было всякого дергания, начались затруднения с товарами, усложнились расчеты. / 1929 год был началом сплошной коллективизации /. Плохо стало с транспортом и вообще работать приходилось очень много и мне, как выдвинутому на такую большую работу с низовки и не имеющему достаточной и теоритической и практической подготовки, было очень тяжело. В начале 1930 года я столкнулся с возмутительным случаем, заключавшемся в следующем: ко мне в Окрпотребсоюз пришел Пурганский М.В. и сказал, что его исключили из партии как "троцкиста" и еще будучи на работе председателем Овчининского волисполкома это-то было по доносу одного из работников ИЗОД, который был несколько дней в Овчининской волости во время перевыборной кампании Советов. Осенью 1928 года Пурганский был у Соляца / в ЦКМа / и что ему нужна характеристика от коммуниста, работавшего вместе с ним в Овчинине и хорошо его знавшего. Я дал ему такую характеристику и он был восстановлен в партии, но снят с должности заведующего окружным отделом народного образования, и был назначен директором школы крестьянской молодежи, при опытном поле, в пяти верстах от Александрова. В этой школе, в течение трех лет училась сестра Поля, к которой, несмотря на её инвалидность, со стороны его и его жены Антонины Николаевны, уделялось много внимания.

В связи с ликвидацией Окрпотребсоюза я был правлением рекомендован в Струнинский перабокооп. В мае месяце на собрании уполномоченных я был избран в правление и занял должность зав. торговым отделом. Зимой с 1929 года по 1930 проходила компания по чистке Советского и кооперативного аппарата. Комиссия по чистке аппарата Окрпотребсоюза — я был "вычищен" по II-ой категории, т.е. лишен прав работать в кооперативном аппарате. Причиной послужило следующее: членом правления зав. торговым отделом была принята на работу по протекции некто Жеглова С. на должность товароведа, я категорически против этого возражал. Жеглова до этого нигде ~~нигде~~ не работала была "домашняя хозяйка" и жена одного старого почтового чиновника из г. Юрьева-Польского, в возрасте 38-40 лет. Она о работе товароведа не имела ни какого представления. Я же был вынужден дать ей группу, т.е. она стала товароведом по определенной группе товаров. В практической работе она сделать ничего не могла и работу, порученную её группе приходилось выполнять или мне, а более всего другим товароведам, что создавало много неудовольствия в отделе а с её стороны жалоб Варварину, что её игнорируют и зажимают, только потому, что она женщина.

Чистка аппарата проходила в форме открытых массовых собраний и в момент, когда я проходил чистку, она выступила против меня, что де мол я её зажимал, как женщину "выдвиженку от станка". Против её выступления никто не выступил и комиссия по чистке вынесла решение, вычистить из кооперативного аппарата, за зажим женщин-выдвиженок, и за грубое отношение к сотрудникам. Это решение я обжаловал в окружную комиссию. Оно было до нелепости глупо, ведь я был членом КПСС, и выходит коммунистом быть могу и работать где угодно, а в кооперативе нет. Практически, кооперации было не жалко, но примириться с таким нелепым решением было тоже нельзя. Когда я избирался в правление Струнинского ЦРКА, решения Окружной комиссии еще не было; Работать в Струнине мне не понравилось, как-то я плохо свылкался с обстановкой, к тому же отдельно опять от семьи, как-то плохо я мог сработаться с председателем правления Тимохиным. Он бывший председатель поселкового Совета, а до этого рабочий фабрики 5-го Октября, малограмотный, совершенно не имеющий ни какого представления о торговой работе. Человек ограниченный и много мнящий о своей персоне. С ним у меня не было никаких ~~не~~определенных столкновений или недоразумений, были какие-то строго формальные, что не в моем характере, и стал искать причину оставить работу в Струнине.

В данной обстановке проработав два месяца поступило решение Окружной комиссии по чистке, которая утвердила решение комиссии, я воспользовался этим решением, ушел с работы и целый месяц не работал-отдыхал. Данное решение я обжаловал в Окружную комиссию контрольную ЦКК РКК, в конце июля я получил её решение, отменяющее решение комиссии по чистке, т.е. я был реабилитирован. После отдыха я был приглашен ра боту в Карабановский ЦРК. В начале я выполнял работу по спецчасти, дополнительно к которой на меня была возложена работа по подготовке кадров, т.е. организация курсовой учебы при ЦРКА. Работа мне та и другая ~~ни~~ нравилась. Спокойная, в особенности по ~~ни~~ подготовке кадров. Я стал жить вместе с семьей, т.к. А.М. никуда из Карабанова не выезжала. Все сложилось очень хорошо, но проработав не более месяца, меня вызвали в Окружном КПСС и заявили, что меня ищут давно и я как бывший Окружной работник должен ехать работать в Районный аппарат; Зав. Александровским Окр.торг.отделом в то время, когда я работал в Окрпотребсоюзе, был Коровин Андрей Андреевич, с которым я был знаком еще в 1925 году по совместному проживанию на одной квартире. Когда я был в Армии, а он работал зав. магазином тканей.

В Гражданскую войну он был коммунистом и на фронте был комиссаром инженерной части, но я не помню, каким образом он потерял связь с партией и хлопотал о восстановлении. В марте 1926 года мы расстались и встретились вновь в 1929 году, тогда он уже был зав. Окр. торг. отделом, восстановивший свое партийное положение. Он был человеком работоспособным, честным, хорошим коммунистом и товарищем.

При ликвидации Округов расширились права Районов и в них создавались ряд новых отделов, которых не было при Округах, в частности: Райторготделов при Райисполкомах. На Коровина было возложено формирование Райторготделов и вот он зная меня, просватал в Окружном на должность зав. торготделом в Переяславский Райисполком, так все это было утверждено Окружком, я отказаться от данной работы не мог.

УШ.

В августе 1930 года я покинул Карабаново и отправился в Переяславль-Залеский, в который я ехал впервые. Переяславль от ближайшей железной дороги, станции Берендеево, 21 километр, которые нужно было проехать в то время только на ⁺троишнике или на ⁺автодоре. Я поехал на "автодоре": проехав шесть километров он остановился и ехать дальше не мог / что с ним случалось часто / и все пассажиры пошли пешком, в том числе и я, да еще с чемоданом. Так неприветливо встретил меня Переяславль.

Жить я на первое время поселился в "Рыбаках" / так назывались две улицы, идущие вдоль реки "Трубез" / на Правой Набережной / в которых жили рыбаки /, в домике, принадлежавшем тете Ал. Мих. - Новоселовой А. И. Совместно с ней жили отец Ал. Мих., её брат Александр и сын А. И. Василий. Домик был очень маленький и я спал на чердаке сарая во дворе. Работать я приступил тут же в должности зав. Райторготделом при Райисполкоме. Я был первый заведующий, т.е. мне пришлось организовывать его работу. Весь аппарат его был я и один экономист, на должность которого я принял Малышева Алексея Николаевича. Он был грамотный, культурно-тактичный, честный человек и очень добросовестно-исполнительный и трудолюбивый. С ним

Примечание: + Троешник - извозчик-часник, у него летом была закрытая карета на 6 человек внутри и 2 наверху; зимой - сани тоже на 6 человек, посредине которых стояла печь. Зпрягалось в них 3 лошади.
+ "Автодор" - грузовой 4-х тон. автомобиль с надстройкой и скамейками, принадлежавший обществу "Автодор"

у меня проходила хорошо сложенная работа. Зимой какой-то "обследователь" из области, проверяя, как выполнена Коопсельхоз-союзом контрактация семенного овса установил, что в не выполнении планов виновны председатель Коопсоюза Натурин и я как Райвнуторг и возбуждал уголовное дело против нас / это был абсолютный абсурд /.

Председателем Райисполкома был Егоров И.И., он тоже из Окружных работников, бывший зав. окружным земельным отделом, в прошлом юрист, хорошо образованный, безупречно-честный, культурный и очень тактичный человек, очень принципиально-чистый, как коммунист, хороший товарищ, - узнав о том, что я привлекаюсь к суду, он очень возмутился и посоветовал мне в суд не являться и я так и сделал, уехал в командировку. Суд состоялся без меня, Натурина приговорили к какому-то сроку принуд-работ, а на меня передали дело в РКИ, от туда без разбора было передано в Райисполком. Президиум Райисполкома меня виновным ни в чем не нашел и на этом это глупое дело прекратилось.

Осенью 1931 года в связи с очень плохой работой Райпотребсоюза, я Райкомом был направлен на работу в Райпотребсоюз зав. торговым отделом. На моем назначении настоял Чернов Дм. Петрович. Когда я был зав. торг.отделом, он был районным уполномоченным / союз-хлеб/, т.е. тесно соприкасался со мной по работе. Ему предложили быть председателем Правления Райпотребсоюза. Он не торговый работник заявил, что согласится только при условии моего назначения, что и было сделано. Чернов Д.П. был образованный и очень тактичный человек, с хорошими организаторскими способностями и хорошо умеющий по любому вопросу договориться в Районных организациях.

Райпотребсоюз был в очень плохом состоянии, сотрудники даже сидели в неотапленном помещении, совершенно не кредитоспособен, товары не выкупались, а продавались непосредственно банком сельпо и горпо. Была огромная дебиторская задолженность, полугодовая отсталость отчетности / баланс в ноябре был только на 1-е июля /.

В такой обстановке пришлось очень много работать, а главное, перестроить весь аппарат от абсолютно-безнадежного положения к тому, что все можно быстро поправить. Что и удалось сделать в ближайшие три месяца.

Райпотребсоюз на 1-е января 1932 года выглядел как нормальная торговая организация. Через месяц после моего ухода из Райвнуторга в Райпотребсоюз в районе произошло событие, которое не обошло и меня и в последствии сыгравшее большую роль в моей жизни.

История его такова: -осенью, в начале заготовок район получил план хлебозаготовок в т.ч. и овса 6000 тонн. План по овсу был

явно завышен, но все же был доведен до с/совета и даже до сдатчиков хлеба, как колхозов, так и единоличников. При поездке в Район пред-рик Егоров и другие, в том числе и я убедились, что его 100% выполнение оставит на весну весь район без семян / хотя выполнение было возможно: сдатчики не сопротивлялись, им было безразлично, на будущий год им при таких условиях сеять не хотелось /, что по хозяйски рассуждая допустить нельзя и Егоров написал письмо в Облисполком о нереальности планов, и что можно его выполнить только на 50%.

Дело с заготовками не двигалось, выполнение же обавалось на 50%, но план изменен все же не был. В декабре Егорова вызвали в Облисполком с докладом о ходе заготовок. Он сразу в докладе начал с того, что план нереален и что он об этом писал уже им. Облисполком решил Егорова за такое отношение с работы снять и отдать под суд "как за саботаж в хлебозаготовках". Была командирована в район специальная комиссия, включая и зам. обл. прокурора, который начал вести следствие. На комиссию было возложено обеспечить 100% выполнение плана хлебозаготовок. Но несмотря на то, что она пробыла в районе месяц, - дело с места не сдвигалось, так и осталось выполнением на 50%. Следствием не установлено было уголовного преступления со стороны Егорова и дело было прекращено. Но в присутствии комиссии дело разбиралось на бюро Райкома. Перед заседанием бюро меня вызвали в Райком, как бывшего Райвноторга дать какие-то справки, - я заявил, что в данных Облзу в Облвноторг есть завышение по нашему району посевных площадей по овсу на 700 га, что не понравилось представителю облзу т. Сухареву, члену комиссии. На бюро было решено Егорову и еще кому-то / не помню / выговора и мне, как бывшему Райвноторгу, по предложению этого же Сухарева - тоже выговор с формулировкой "за отстаивание перед областными организациями заниженного плана заготовок".

На начинавшийся строиться завод № 30 с осени 1931 года в феврале 1932 г. нужно было организовать ЗРК / закрытый военный кооператив /, на организацию которого из Облпотребсоюза приехал Голышев, который меня хорошо знал, он и решил мою дальнейшую работу и из Райпотребсоюза я был назначен Председателем ЗРКа и опять пришлось начинать с начала т.е. начинать организовывать третье учреждение в Переяславле и опять много работы и суеты. Стройка разворачивалась в трудных условиях 1932 года вообще, а в особенности в продовольственном снабжении / 1932 год был самым тяжелым /: карточная или система на все товары, недостаток денежных знаков. Все это осложняло организацию торговли, к тому же колхозы экономически были слабы и колхозная

торговля отсутствовала, зимой 1932 года на 1933 год случилось расхищение завод отстранился в Переславле не стал, его перевели куда-то на Волгу, Баца с ним Райком не отпустил, как свои районные кадры, выделенные ему в этот район, и все мои хлопоты и тяжесть работ по организации пропали и до марта 1933 года я занимался личным ведением своего хозяйства. После этого я снова был направлен в Райисполком Райпотребсоюза, но там я проработал не больше недели. Когда я стал снова там работать, стал присутствовать в Райкоме об освобождении с данной работы, ожидая на outcome работы, т.е. мне казалось была там нагрузка, к тому же меня приглашал Облпотребсоюз на работу в Кинешму, на должность директора межрайонной торговой базы.

Председателем в это время в Райисполкоме был Артемьев И.З., который до этого работал в Райкоме и затем на заводе № 30 секретарем Парткома. Он меня хорошо знал по всей работе и без моего согласия и даже спроса на одном из бюро Райкома было решено, по предложению Артемьева назначить меня первым его заместителем и пред. Райплана, которого до меня не было. Так опять пришлось начинать с начала, т.е. организовывать работу отдела. 6 апреля 1933 года я приступил к этой должности.

Летом 1933 года я был взят на обор в армию и находился в Гороховедских лагерях в 51 полку 18 стрелковой дивизии в должности политрука полковой школы. В период моего нахождения на обор заболела дочь Нина, она как-то не любила жаловаться на боль и она оказалась больной скарлатиной, её в тяжелом состоянии Александра Михайловна повезла в больницу. Там заведующий врач Блиссеев заявил, "что ты её привезла умирать сюда, пусть умирает дома" и её в больницу не принял. В данной больнице заиком работала Иванова Лена / коммунистка /, она по договоренности с мед.сестрой её оставила, поставив койку в коридоре, и медсестра, зная диагноз, начала её лечить. Она поправилась, живет и поныне. Только вмешательство Ивановой Л. и медсестры спасли жизнь Нины.. Этот возмутительный случай я узнал по возвращении со сбора, говорил о нем в Райадраго, но официального хода этому делу не дал, т.к. он грозил Блиссееву, лишил его права врача.

В конце ноября в наш район приехали с Украины вербовщики по вербовке переселенцев на Украину, и я был назначен Председателем переселенческого комитета при Райисполкоме. Суть этого переселенческого дела заключалась в том, что в результате политики хлебозаготовок на Украине население осталось без хлеба и, в связи с этим, образовавшегося голода и также проводимых репрессий во время хлебозаготовок, в полях осталось жителей не более одной трети.

Правительством было принято решение пополнить состав населения из колхозов центральных областей с недостаточной обеспеченностью земель. Наш район был прикреплен к Беловодскому р-ну Сталинской области / район Донбаса. Степная часть Украины /.

Условия вербовки были таковы: колхозникам, желающим переселиться, получали из колхозов по уставу, все что им положено, вплоть до лошадей и все это ^и их личное имущество перевозилось за государствененный счет. Там на месте они получали бесплатно дом с хорошим ~~примусебным~~ участком и садом / за счет выбывших/. В связи с тем, что условия на Украине жизни наших малоземельных колхозников заинтересовывали и к тому же они в какой-то степени верили мне / так как они меня хорошо знали / На вербовку откликнулись самые хорошие и крепкие колхозники, как например, семья Удлинцевых из деревни Веськово. Было завербовано в районе 80 семей, т.е. количество которое было намечено. Даже приходилось некоторым отказывать, как опоздавшим в число 80 хозяйств.

В начале декабря был сформирован эшелон, начальником которого был представитель Украины, а я был назначен комиссаром этого эшелона. Колхозники везли с собой все домашнее имущество, вплоть до кур, кроликов и картофеля. В каждом двух осном товарном вагоне было четыре семьи, что составляло 20 вагонов с колхозными лошадьми, личными коровами, кормом, кроме того из воинской части была походная кухня, каптерка, торговый ларек от Черенславского Горно, мед. обслуживания и штабной вагон. Все было обставлено очень хорошо. Конечная станция была Чертаково Юго-Восточной ж/д и от нее в сторону до 100 км. были колхозы, в которые они предназначались. Семьи переселенцев были погружены на грузовые автомашины Сталинской автоколонны, а за имуществом местные колхозники приехали на молодых бычках. Приехавшие колхозники, очень были удивлены, нашему колхозному богатству и вышло, что не мы приехали на Украину, а она к нам. Когда я по просьбе колхозников Украины разрешил покупать у нас в ларьке продукты, а также разрешил отдать им бесплатно оставшийся у нас хлеб, они устроили давку, чем очень удивили нас, после чего в оправдание своего поступка они показали свой хлеб, который они имели при себе, то наши колхозники его есть не могли, т.к. он был очень горький, испечен он был с полыньей. Посмотрев на всё наши колхозники окружили меня и со слезами говоря - "Василий Григорьевич! куда ты нас привез?". Я чувствовал себя очень плохо, я понял, что я их обманул, но делать уже было нечего и они отправились в колхоз. Я, для большей убедительности, поехал с ними. Переселенцы были предназначены в колхоз "Памяти Ленина" Беловодского р-на. Это по украин-

ски хутор / селение/, в нем было около 300 дворов, была бляная каменная шкала, в которую до распределения по хатам они были помещены. В этом хуторе постоянного населения было не более 50-70 хат, в которых жили в основном женщины с детьми. Мужчин почти не было. Все остальные хаты были ницши, их хозяева в большинстве вымерли от голода, частично были высланы и разбежались от голода кто куда мог.

Всем переселенцам были даны хаты бесплатно из числа тех хозяев, которых не было. Во всем хуторе около каждой хаты, были хорошие сады, в основном вишневые и черешня. У хат же, которые были ницши, сады обросли бурьяном так, что по ним невозможно было пройти / он там очень густой и выше человеческого роста /.

Большинство не жилых хат выглядели, как после бомбежки. Полуразваленные, около них стояли брошенные, вполне пригодные с/хозяйственные машины, различный инвентарь и повозки. Все это было поросло бурьяном. В ночное время в таком большом селении, где-то был виден огонек. Общая картина селения, в особенности ночью, представляла жуткое зрелище, — наши колхозники от всего этого пришли в такой ужас, что с наступлением темноты не выходили на улицу. Я прожил там дня три, заснул в Веловодск, зашел в Райком и Райисполком, покинул район с тяжелой душой.

На станции Чертково, с которой я садился на пассажирский жид поезд, мне представилась такая картина: все помещение станции было забито народом, который лежал и сидел на полу, что совершенно невозможно было пройти. Все они пытались как-нибудь и куда-нибудь уехать от голода, но из них большое количество уже не могли ни куда уехать, они уже почти не двигались т.е. были накануне смерти. Вымирая тут, их постепенно убивали. От всего этого ужаса я не мог даже находиться в вокзале и несмотря на мороз, ждал поезда на улице.

Все переселенцы осенью 1934 года вернулись обратно. Последней семьей вернулась семья Ушниковых, я с ней имел беседу о причине возвращения. Оказалось, что система отношений 1932-1934 годов не изменилась и в 1934 году они её не вынесли и уехали. Так попусту были затрачены огромные силы и средства. Зимой 1934 года в Переяславль приезжал из Москвы представитель комиссии Советского контроля СССР, проверять причину, т.е. искать виновных. Он намекал, не было ли принуждения в переселении, но когда он убедился, что нет и зная к тому же поведение украинских организаций, пришел к заключению, что виновата Украина. По возвращении через несколько дней, я как зам. предрика района комплектования 18-й стрелковой дивизии, был командирован на юбилейные торжества, посвященные 15-и летию дивизии в г. Ярославль, где после торжественного заседания в театре имени

"Волкова" был дан банкет в доме Красной Армии, на нем был весь состав дивизии, начиная только с капитана и выше, представители местных Советских и партийных организаций / в узком количестве/, бывшие участники боев Гражданской войны этой дивизии и также представители высшего командования, как-то командир корпуса Пули Григорий Иванович / в последствии Маршал артиллерии/, Кузьмин / начальник высших учебных заведений Красной Армии, бывший член Реввоенсовета УР Армии, куда входила 18 стрелковая дивизия / в последствии расстрелян, "Как враг народа" /.

Банкет был обставлен очень изысканным угощением, с наличием дорогих вин и фруктов, специально привезенными с Кавказа представителями Армянской ССР / где сражалась дивизия в Гражданскую войну /.

Я еще не успел избавиться от впечатлений Украины, поехав в такую обстановку, чувствовал себя не только весело и приятно, а наоборот, находился в каком-то непонятно-двойственном суждении о происходившей жизни в нашей стране.

В данной должности я проработал до апреля 1935 года, т.е. два года. На протяжении всего периода времени работа протекала довольно своеобразно. На работе по должности я работал одну треть, а остальное время находился в деревне по различного рода командировкам как-то: посевная и уборочные компании, лесозаготовки, хлебо и льно-заготовки, мобилизация средств и другие. Непосредственная работа в Райисполкоме, как председателя, Райплана, так же, как и члена Президиума проходила нормально. С Артемьевым и другими работниками Райисполкома взаимоотношения были хорошие. Я чувствовал, что имел авторитет, как непосредственно в Райисполкоме, так и на периферии, т.е. в с/советах и колхозах.

Я был членом пленума Райкома, был внештатным инструктором по промышленности. Я не могу пожаловаться на то, что мой авторитет не поддерживался, как Артемьевым, так Райкомом и другими работниками района. Я имел массу всяких других нагрузок в различных комиссиях, комитетах, был членом и руководителем различных общественных, кооперативных и других районных организаций. Непременным докладчиком на торжественных собраниях: в праздновании 1-е Мая, Октябрьской революции, а также руководителем не менее, чем как двух политколов.

Выполнение возложенных на меня всякого рода поручений и обязанностей

мне удавалось. Моей работой были довольны, как в Райисполкоме, так и в Райкоме.

Одновременно со мной в Райисполкоме работал зав. земельным отделом Аркадьев Константин Алексеевич, этот человек, как говорят, был "не земной", он ничего не хотел личного, он жил только работой, которой он отдавался искренне с энтузиазмом. Лично, как человек, он был очень прост. По его отношению к людям невозможно было и думать, что он занимает какую-то должность в учреждении. Пользовался огромным авторитетом среди сельского населения и большим доверием в Районных организациях. Ему работа также удавалась, и если в районе в каком-либо с/совете или колхозах не выполнялось какое-либо мероприятие, то в Райкоме и Райисполкоме говорили: ну, нужно посылать Аркадьева или Власова.

Так сложилась работа и жизнь в период работы в 1933 и по 1934 годы.

Но в марте 1935 года началось разукрупнение Районов и в Ивановской области создано семьнадцать новых районов. И вот в один из них по назначению Облисполкома и решению Обкома КПСС мне пришлось поехать в организационную пятерку по организации работ / снова по организации, но не только учреждения, а целого района /.

Это был Кадынский р-н / в настоящее время Костромской области / в должности председателя Райплана.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

1.

И так, в апреле 1935 года я направился к своему новому месту работы, село Кадый. Село это до разукрупнения районов входило в состав Макарьевского р-на, а затем, как центр, вновь образованного Кадыйского р-на. В нем было до 300 крестьянских хозяйств с населением до 2000 человек, два колхоза и с/совет.

Село Кадый находится в 110 км. от города Кинешмы или ближайшей станции жел.дор. и 65 км. от города Рязань на Волге, или от ближайшей пристани. Это те пункты, через которые осуществлялась связь с г. Ивановым / областным центром /.

Вновь созданный Кадыйский район состоял из девяти сельских советов, ранее входивших в четыре соседних района, т.е. из их окраин, к моменту его организации в новых границах составлял 31% коллективизации. По своему экономическому состоянию был исключительно сельскохозяйственный / не было ни одного даже мелкого пром. предприятия /. Последнее было на очень низком уровне, что даже в некоторых селениях еще сохранилась⁺ переложная система.

Территория района не менее 80% была покрыта лесом, лесная же промышленность заключалась только в том, что лес рубили, вывозили к сплаву и сплавливали. Дороги были исключительно проселочные. В весенний и осенний период совершенно не проезжие, расстояние которых как вдоль, а также и поперек района составляло до 60 километров. Никакой механизации сельского хозяйства не было, даже не была организована МТС. Очень многие из жителей не имели понятия о таких вещах, как железная дорога, автомобиль, трактор, электричество и радио. Даже само село Кадый не имело электричества.

Вот в такой район и была послана партией не большая группа коммунистов, число которых, включая и местных составляло не более 50 человек. Вот в таких условиях я и приступил к своей работе в должности первого заместителя председателя Райисполкома, председателя Районной плановой комиссии / Предрайплана /.

⁺ Переложная система - создание гарей последствием вырубki и сжигания леса, а затем посев по гари среди пней.

Ни какой квартиры Райисполком представить мне не мог, т.к. в селе Кадый не было коммунальных домов и я первое время, будучи без семьи поселился жить у одной старушки, звать её было Аграфёна, по фамилии не помню. Будучи на учебе в институте Марксизма-Ленинизма в конце мая я выехал в Иваново на месячную зачетную сессию / там был филиал института /, по окончании которой в конце июня я поехал в Переславль за семьей. Помогал мне собраться и провожал меня Кусницин С.П.. Вещи были направлены по железной дороге на станцию Антропово и я с семьей через Ярославль, с заездом к сестре Пале, ехал по Волге до г. Юрьевца, а от туда на грубом деревенском / полке / телеге до Кадыя. И я иногда вспоминаю, как кричали / ревели / Зойка и Нинка, сидя на этой телеге, когда ехали 6 км. через Поломский лес, не выдерживая тряски на лесных ухабах / сам я шел пешком, ведя за руль имеющийся у меня велосипед/. Квартирu, которую мы наняли у одной крестьянки, вдовы с ребятишками, состояла из хатки, выходящей на улицу, с ходом через кухню. И в первую же ночь вся наша семья атакована несчетным числом клопов, и так продолжалось несколько бессонных ночей, пока не удалось сбежать на другую квартиру. Другая квартира состояла из отдельного домика, выходящую окнами не на улицу, а в огород, размер его был 5х6 метров, имея русскую печь и три маленьких окошечка. Здесь в противоположность первой квартире нас встретили не клопы, а тараканы / которых все же удалось ликвидировать. Хозяева наши, Чистяков Василий и его жена Мария жили в доме, выходящем на улицу с отдельным ходом, и поэтому наша квартира была уже "роскошь". Наши хозяева были прекрасные, чистосердечные, добрые, трудолюбивые люди, по возрасту нам ровесники. И мы жили с ними вплоть до конца в хорошей дружбе и согласии.

II.

Так, как Кадыйский район только что создавался и с таким низким процентом коллективизации / 31% /, то работа Райкома, Райисполкома была направлена непосредственно в деревне и кроме выполнения прямой работы по должности, приходилось до 80% времени быть в деревне, создавая колхозы и помогая им налаживать свое новое хозяйство, т.е. то, что уже раз пришлось делать в 1930-1932 годах, в предыдущем Переславском р-не, т.е. повторить сначала.....

Так беззаветно и преданно, не жалея своих сил работали по перестройке с/хозяйства на соц.строй и другие работники Райисполкома,

с которыми мне приходилось совместно работать, а именно:

- 1). Универ Иван Иванович, эстонец по национальности, из крестьян-куторян-переселенцев до революции, коммунист с 20-х годов, имеющий хороший опыт партийной и советской работы, в возрасте не старше 40 лет, энергичный, любящий свое дело, трудолюбивый, всегда выдержанный в обращении с людьми, независимо, кто бы они не были, прекрасный семьянин, морально-устойчивый и добрейшей души, он был уважаемым человеком в районе во всех слоях населения.
- 2). Ставров Василий Иванович - заведующий Районным земельным отделом, из крестьян соседнего р-на, выдвинутый на общественную работу, как крестьянин - интенсивник, хорошо знавший крестьянскую жизнь вообще и в частности нашего р-на, коммунист, принципиально-честный, выдержанный и чуткий товарищ, хороший семьянин, человек высокой душевной доброты, пользовался большим авторитетом среди колхозников, в возрасте за 40 лет, не крепкого здоровья, и несмотря на последнее, был один из исполнительных трудолюбивых работников.
- 3). Сабуров Павел Михайлович - зав. районным финансовым отделом, из крестьян соседнего района, коммунист, простой и ~~на~~ требовательный к себе, он преданно и всецело отдавал себя работе. Дисциплинированный и исполнительный человек, пользовался уважением среди работников районной организации, хороший и честный товарищ, в возрасте 35 лет, хороший семьянин.

Эти люди, как руководители Райисполкома, всегда были жизнерадостны, оптимально настроенные. Работая с ними в коллективе всегда чувствовалась дружная, товарищеская обстановка. Создавалась единая, дружная целеустремленность работы не только Райисполкома, а и всего Советского аппарата района.

В напряженной и всецело поглощенной работе, прошло время с весны и до осени 1935 года. В районе был пром. колхоз, состоящий из двух деревень: Котлово и Васино. Он включал в себя кроме сельского хозяйства и химическое производство, это выработка серого древесного порошка, путем сухой перегонки древесины. Это химическое производство само по себе было нерентабельно, вследствие примитивно - устаревшего оборудования. Требовало много рабочей силы и в конечном счете сводило на нет результаты с/хозяйства промколхоза. Мною было разработано мероприятие о выделении производства и передачи его в систему промкооперации. Оно было всеми инстанциями утверждено и я был командирован Райисполкомом на проведение его в жизнь.

Находясь в конторе колхоза, уже поздно ночью, я увидел входящего в нее человека. Это был инструктор Облпотребсоюза Кадичин,

схавший в наш район, по вопросу организации торговли и зашедший в контору, как на единственный огонек в деревне, в такое ночное время с целью обгретая и отдохнуть. Так, он меня хорошо знал по торговле в Переславле и вообще эта встреча, в известной мере, предрешила мое дальнейшее положение, в работе и в жизни, вообще. К этому времени в административных границах района не существовало ни какой самостоятельной торговой организации и район обслуживался отдельными сохранившимися сельпо и отдельными магазинами, входившими в соседние райпотребсоюзы и по существу никакой торговли в районе не существовало. Кацицин ехал организовывать Райпо, т.е. единое общество потребителей, как опытное, для сопоставления работы Райпотребсоюза с системой сельпо.

О моей встрече Кацицин сообщил председателю Облпотребсоюза — Серову Александру Сергеевичу, который тоже меня знал по прежней работе, и он заявил нашему секретарю Райкома Смирнову Федору Ивановичу, что Облпотребсоюз давно ищет меня, как его кадры, но куда-то исчезнувшего и поэтому в район никого посылать на должность председателя Райпо не будут. Кацицин дал характеристику о моей прежней торговой работе в Райком, до этого в Райкоме не знали, что я бывший торговый работник, за что ухватились и я с 1-го декабря 1935 года был утвержден председателем Оргбюро по организации Райпо.

III.

Переход из Райисполкома с должности предрайплана на работу по организации Райпо, в существовавших тогда условиях, а также и полного упадка торговли, как во вновь организованном районе, где все приходилось начинать сначала, да еще создание кооперативной торговли, требующей большой организационной работы, при полном отсутствии кадров, было огромной трудностью, требующей большого напряжения сил и энергии.

Такое положение дел поставило меня в непосредственное взаимоотношение со всеми районными организациями, в особенности с Райкомом КПСС и его работниками. Что это были за люди в то время?

1). Секретарь Райкома — Смирнов Федор Иванович, бывший до этого начальником политотдела в какой-то МТС. Выходец из крестьян со средним общим и высшим партийным образованием, в возрасте не старше 32 лет с небольшим еще партийным стажем. Был исключительно чутким, внимательным, тактичным и высоко-культурным человеком. Он обладал колоссальным обаянием и при встрече с ним по любому вопросу, у кого бы то ни было оставалось прекрасное чувство удовлетворенности. Он был

безупречно справедлив, принципиально-честен в партийно-этической и бытовой жизни, мог быть только образцом не только для коммуниста, но для каждого человека. Прекрасный семьянин. Обладал большими организационными способностями, обладал физически-крепким здоровьем, был постоянно жизнерадостен. Пользовался большим авторитетом, как среди всей партийной организации, а также и среди населения района.

2). Козлов Павел Дмитриевич – инструктор, а в дальнейшем зам. секретаря, из крестьян, окончивший институт им. Свердлова. Безупречно честный человек, хороший товарищ, справедлив при решении любого вопроса. Морально-устойчивый, хороший семьянин, пользовался авторитетом среди коммунистов района.

Весь остальной аппарат Райкома КПСС состоял не более, как из 4-х человек, были преданными и хорошими, безупречно-исполнительными работниками.

С весны 1936 года в Райкоме была введена должность зам. секретаря Райкома, на которую был прислан Обкомом некто Романов Василий Федорович. Это был человек совершенно противоположный всем остальным в Райкоме. Он был тщеславен, властолюбив, карьерист, имеющий склонности к "подсиживанию", груб и необщителен к другим, имеющий о себе высокое мнение. Не самостоятелен в своих действиях, все в парторганизации его не уважали.

Проведение большой и напряженной работы по организации Райпо тесно сближало меня с работниками Райкома и что позволяло более подробно и ближе узнать друг друга. С 1-го января 1936 года Райпо уже фактически и юридически начало вести торговую работу в районе. Руководство, которым до избрания Правления было возложено на орг. бюро, а практическое руководство работой на меня, как на его председателя.

Личная и семейная жизнь протекала, как-будто обычно, ни чем резко не выделялась. Получаемая мной зарплата 400 рублей в месяц позволяла только с трудом доживать до следующей получки. Александра Михайловна не работала, Зоя и Нина росли, бегали, резвились. Ожидали третьего ребенка (хотелось мальчишку).

Сразу с начала работ я поехал в Иваново в Облпотребсоюз, где после трех летнего перерыва в торговой работе, я встретил много старых работников, хорошо знавших меня. Один из них, я даже теперь уже не помню, кто он? – / я полагаю, что один из бывших учеников Александровской ШКТУ, где я преподавал товароведение в 1929 году /, спросил меня, где я и что делаю теперь? Я ему объяснил, чем я зани-

маюсь, и он без моей просьбы изъявил желание мне помочь в начинании моей работы в нашем новом районе, и дал мне на 10 000 рублей мануфактуры из городского фонда, что по тому времени было "чудо", таковая в сельскую местность отпускалась только на отоваривание хлебо-закупок. Райпо эту мануфактуру получило и могло её распространять свободно.

1У.

В январе 1936 года был созван Пленум Райисполкома с сельским колхозным активом по вопросу подготовки к весеннему севу. Это было очень важным вопросом, т.к. в основном все $\frac{1}{2}$ колхозы района приступали к нему в первый раз. Во время работы Пленума секретарь Райкома Смирнов Федор Иванович, в беседе со мной сказал, что актив в селах в 1935 году провел огромную работу на селе, как-то: коллективизация, а также подготовка колхозов к севу. Как бы его "отблагодарить", чем-то "по баловать", что бы ему продать такое?, чем эти люди нуждаются, т.к. актив состоял из женщин... Я предложил продать ему мануфактуру. К тому же в районе не торговали по настоящему несколько лет. Он же зная, что она строго фондируется, спросил, где я её взял, я ему объяснил, сначала он был крайне удивлен и строго меня предупредил, что не связано ли это с каким-либо нарушением законности в её приобретении, что этого делать никак для р-на таким путем не следует, рисковать не нужно, нужно только довольствоваться законными путями, и когда он убедился, что все это просто в порядке помощи нашему району, он заявил, что "давно бы нужно было заставить меня торговать". По окончании Пленума, часов в 7 вечера и была организована распродажа мануфактуры участников Пленума. Учитывая, что состав Пленума на 90% колхозники, как я, так и ни кто не считал, что будет нарушение торговли, т.е. я не чувствовал никакой за это моральной ответственности... В областной газете "Рабочий край" появилась заметка о том, что я нарушил правила советской торговли, восстановил как-будто бы закрытый распределитель, но не было сказано: "кому распродавали мануфактуру"... Председатель Облпотребсоюза т. Серов А.С. имел со мной беседу по содержанию заметки и убедившись, как происходило дело заявил, что он никаких особых нарушений с моей стороны не видит. Районный же прокурор тов. Русов неоднократно меня по этому вопросу приглашал, попросил письменное объяснение и как говорят "завел дело"... Я никому об этом не говорил. В конце марта собиралось собрание уполномоченных

Райпо, на котором должно быть избрано правление Райпо. Вечером, накануне данного дня на заседании Райкома, в конце заседания, часов в девять вечера секретарем Райкома т. Смирновым был внесен вопрос, о том, кого рекомендовать в состав правления в председатели. Так по Уставу председатель правления персонально избирался на собрании уполномоченных-в председатели была выдвинута моя кандидатура, никто не возразил и как будто вопрос был решен, но тут поднялся прокурор и заявил, что он против, т.к. на Власова (т.е. на меня) им заведено судебное дело за распродажу мануфактуры. Такое заявление всех присутствовавших возмутило. Особенно болезненно на него реагировал старший инструктор Райкома Козлов П.Д. В своем выступлении он сказал, что нужно привлекать к какой либо ответственности не Власова, а секретаря Райкома Смирнова Ф.И., предрика Универа И.И., меня и в особенности самого прокурора, т.к. мы все вместе были в магазине и наблюдали, как идет торговля и никто из нас, даже и сам прокурор, не остановил Власова от этого. Не предупредили, даже не сделали ни какого замечания... Если это было преступление с его стороны, "а считали это в порядке вещей!" - как же теперь мы, как коммунисты, будем теперь голосовать за наказание Власова, какими без-совестными глазами мы должны смотреть на него? Это противоречит простейшим партийным принципам! И он внес предложение прокурора с работы снять и исключить из партии, как не соответствующего звания прокурора и коммуниста. Я выступил против своей кандидатуры в председатели Райпо и также и против того, что бы Русова исключили из партии, но не против его снятия - я был за ВЫГОВОР.... Таким образом вопрос о моей кандидатуре механически перешел в вопрос о поведении прокурора и после трехчасового обсуждения было вынесено решение: с работы его снять и дать ВЫГОВОР, а меня рекомендовать в председатели Райпо.

у.

В силу ранней и дружной весны, вызвавшей весеннюю распутицу, собрание уполномоченных не состоялось и было перенесено на май месяц. В данный период прокурор очевидно написал на решение Райкома жалобу и вот в мае месяце в район приехала специальная комиссия проверить все это дело. В нее входили: представитель уполномоченноно парт-контроля по области т. Николаев, зам. обл. прокурора Востоков и инструктор обкома КПСС (фамилию не помню). Приезд этой комиссии совпал с собранием уполномоченных и также накануне состоялось заседание Райкома. Стоял вопрос о моей кандидатуре. На этом же заседании присутствовала и вся комиссия / она к данному времени закончила

свою работу/. Также выступил прокурор против по тем же мотивам. Комиссия высказала свое заключение, что никакой вины с моей стороны в распродаже мануфактуры нет, что меня можно рекомендовать в председатели Райпо, что нужно это дело забыть и оказать моральную поддержку мне в моей будущей работе. Зам. Облпрокурора Востоков заявил, что прокурор будет освобожден, а насчет партийности — дело Райкома. Я все же опять пытался отказываться. И в конечном счете моя кандидатура была утверждена. Собрание уполномоченных собралось в полном составе. Проходило очень активно и деловито. Создание Райпо в границах района и его первоначальная деятельность пробудила интерес населения. Было избрано Правление и я единогласно без какого либо нажима был избран председателем.

Одновременно с описываемыми событиями произошел еще один случай, столкнувший меня снова с этим же прокурором... К нему приехал какой-то приятель и он привел его обедать в закрытую столовую парт.актива. Зав. столовой / член КПСС, некто Романова / категорически отказала ему в этом, по мотивам не имея пропуска у того человека... Обо всем этом я узнал только тогда, когда получил от прокурора письменное указание наказать Романову / за грубость к посетителям/ и при проверке установил, в чем выражалась её грубость. Я её не наказал, о чем ответил прокурору письменно..., что нет никаких оснований... После чего я стал получать с милиционером повестки о явке к нему с пометкой, что при неявке, буду приведен с конвоем.

Будучи депутат Райсовета и член Президиума Райисполкома я возмутился, что прокурор не знает закона о депутатской неприкосновенности, пошел в Райком с жалобой, где в кабинете секретаря Райкома, Смирнов в резкой форме напомнил ему, как следует вести себя, как прокурор и коммунист. Моя борьба против произвола прокурора обострила наши отношения с ним / на его стороне был начальник РайНКВД Крылов Н.И./, что несомненно, отрицательно отражалось на моей дальнейшей работе и даже жизни.

В течении лета до ноября торговая деятельность Райпо развивалась хорошо. Было достаточно товаров, росли обороты, расширялась торговая сеть./ начался строиться универмаг/ Была открыта новая столовая, ресторан, хлебопекарня и булочная, развернулись заготовки.

В лично-семейной жизни произошло то долгожданное событие, которое волновало мой ум — 21 мая благополучно родился Сын — гордость отца, был назван Игорем. Это был большой торжественный праздник!: на котром присутствовали: Смирнов, Универ, Ставров, со своими дамами. Все было приятно, светло на душе. Сын был сно-

спокойным, крепким, хорошо сложенным и упитанным ребенком / весом более четырех килограмм /.

Я весь целиком уходил в работу, хотелось жить. Я был доволен несмотря на трудности, своим, как служебным положением а также и личной жизнью. Было все, как говорят, хорошо.... Июль и первую половину ~~августа~~ августа, я как командир запаса был на военном сборе в гор. Шуе. Там я встретился с Артошьевым В.З. / он был прокурором г. Шуя и района /.

С ноября месяца резко ухудшилось положение с хлебной торговлей: была изъята из продажи всякая мука. Пришлось чуть ли не в каждом с/совете создавать хлебопекарни / было их создано восемь /. Так, наш район малоземледельческий, собственного хлеба крестьянам во все времена хватало не более, как на полгода. Фонды муки были резко снижены. Создавались большие хлебные очереди, и в феврале 1937 года Постановлением Облисполкома в нашем районе была даже запрещена / в райцентре непосредственно / продажа печеного ржаного хлеба. Таким образом, в зиму 1936 года создалась тяжелая обстановка в торговле хлебом и вообще. Я и остальные работники торговли больше занимались вопросом хлебной торговли, чем всей остальной. Такое положение продолжалось до осени 1937 года - а дальше мне было неизвестно...

При избрании Правления Райпо, одного из членов Правления / бывшего председателя колхоза / Чистякова избрали зав. торговым отделом. Он был очень хороший человек, добросовестный, но совершенно не имеющий ни какого понятия о работе, и в то же время ни как не мог освоить возложенные на него обязанности. Осенью 1936 года он ушел. На его место был прислан из Иванова некто Вубнов, который оказался непригодным, как человек / пьяница и жулик /. Месяца через три его пришлось уволить и на должность зав. торгового отдела был принят Иваков Николай Васильевич, до этого работавший зам. зав. Райзо / зам. Ставрова / и ранее председателем с/совета.

В октябре месяце Смирнов Федор Иванович был в отпуске, а его замещал Романов Василий Федорович. Как я уже говорил, он будучи карьеристом, в период моего отсутствия Смирнова на одном заседании Райкома поставил вопрос об итогах с-хозяйственного года в районе. В принятом решении говорилось, что район достиг огромных успехов во всех областях сельского хозяйства и что эти успехи и достижения были бы еще сильнее, если бы было лучше руководство с/хоз. со стороны Райзо. Плохое руководство Райзо зависело от зав. Райзо Ставрова В.И.

который является "троцкистом" и он на этом заседании был исключен из партии / на этом заседании я не присутствовал ввиду отъезда в командировку /. После такого решения Ставров постиг сердечный приступ и он был положен в больницу.

По возвращению из отпуска Смирнов заехал в Обком, где ему первый секретарь Обкома Носов И.П. сказал, что за его отсутствие был прислан протокол заседания Райкома, из решений которого слишком хвастливо, что не соответствует действительности. Кроме того, исключен из партии за "троцкизм" Ставров, что тоже не может быть, исходя из жизни и работы Ставрова, что теперь не 1927 год, а 1937 г. т.е. пора "троцкизма" уже миновала. Предложил ему по возвращению пересмотреть этот вопрос. Смирнов же попросил проверить это дело Обкомом, на что Носов согласился и в район вместе со Смирновым был командирован инструктор Обкома. По их приезду в район была создана специальная комиссия, в которую был включен и Романов и инструктор Обкома. Комиссия, изучив обстоятельно вопрос сельского хозяйства и проверив тщательно вопрос принадлежности Ставрова к "троцкистам", сделала противоположное заключение, что в с/хозяйстве района проведена большая работа по его перестройке и налаживанию производственно-хозяйственной деятельности колхозов, но экономическое состояние колхозов слабое - требуется помощь со стороны областных организаций как то в смысле продовольственной осуды, развития кустарной и местной промышленности, организации МТС. Данные мероприятия были приняты областными организациями. В отношении Ставрова было установлено, что он никогда к "троцкистам" не принадлежал. Это заключение было подписано и Романовым. Ставров после этого был восстановлен в партию и назначен зав. райсобесом.

В декабре 1936 года на общем партийном собрании было поставлено на обсуждение и на утверждение оба решения Обкома, т.е. то, которое было принято в период отсутствия Смирнова и то, которое было принято по заключению комиссии. Было утверждено последнее решение. Логически рассуждая на этом должен был быть окончен вопрос со Ставровым, но как показали последующие события, дело приняло иной совершенно противоположный характер.

В апреле 1937 года состоялась районная партийная конференция, на которой переизбрался состав Райкома / в первые тайным голосованием /. В результате переизборов Романов в новый состав Райкома избран не был / получил три голоса / не смотря на настоящие представителя Обкома. Романов вопреки всякому здравому смыслу в конце конференции / в разном / выступил и заявил, что он не может / как настоящий коммунист / быть спокоен и выносит на обсуждение

конференции вопрос о Ставрове / что всех очень удивило /. Ведь в декабре на общем партийном собрании, когда утверждалось последнее решение Райкома он не выступил, как о "троцкисте", ему напомнили, что он ведь подписал, как член комиссии заключение, что Ставров не "троцкист" и на вопрос: может он узнал что новое о Ставрове, после подписания заключения комиссии, он заявил, что нового он не узнал, а считает, что Ставров все же "троцкист". В процессе длительного обсуждения данного вопроса, он уже из вопроса о Ставрове перешел в вопрос о Романове, как партийном склочнике и клеветнике. Мною было внесено предложение об исключении Романова из партии. Никто из присутствующих не возразил, но Смирнов / не зная из каких соображений / выступил против и внес предложение о партийном взыскании. Учитывая, что при голосовании пройдет мое предложение / было ясно по настроению конференции /, я снял свое предложение, чтобы дать возможность пройти по предложению Смирнова, в результате Романов получил партийное взыскание. После конференции Романов был с работы зам. секретаря Райкома освобожден и направлен на курсы зам. предрика по сельхоззаготовкам, а на его место был избран Козлов П.Д.

УП.

Ровно через семь дней по окончании партконференции 12 апреля Ставров В.И. был арестован как "троцкист" и отправлен во внутреннюю тюрьму обл. НКВД, где при применении пыток Ставров В.И., как человек болезненный, не стойкого характера / а он из-за этого и был арестован первым в районе / очевидно признал / так значилось в обвинительном заключении по нашему делу /, что он "троцкист" блокировался с эссерами / какими - неизвестно /, что ему известно, что в районе есть контрреволюционная организация. В конце мая я был вызван в Иваново на заседание Правления Облпотребсоюза с докладом о работе Райпо. Все прошло хорошо.... 3 июня я получил отпуск и уехал в санаторий на месяц. По возвращению я узнал еще печальную новость, что без меня был арестован Универ И.И.. В июле был также арестован зав. Райфо Сабуров П.М. и два инспектора Райфо Дюхилов и Писарев, бухгалтер Троицкий, а также мой заместитель зав. торговым отделом Шваков Н.В. по мотивам, что он был заместителем Ставрова. В конце июля был арестован и Смирнов Ф.И.. На его место был прислан Грибин А.С., с которым я работал одновременно в Переславле. Он был инструктором Райкома. Мы хорошо знали друг друга. А на должность предрика был назначен Романов В.Ф., т.е. тот самый о котором было сказано раньше. В это же самое время был такой

случай: ко мне пришел зам. начальника НКВД Сорокин и требовал от меня материал на Швакова. Я ему ничего не дал. Кроме того, что сказал, что я Швакова знаю с момента приезда в район и могу только сказать о нем, что он честный работник и прекрасный коммунист... Далее Сорокин стал просить у меня рублей на 700 мануфактуры для сотрудников НКВД. Я сказал, что её в магазине сколько хочешь. Он мне ответил, что это надо понимать так её им отпустить и стоимость куда-нибудь списать?... Я возмутился, стал горячиться и дошло дело до того, что я его обругал матом. После чего он мне заявил, что я зря горячусь, что его послал Николай Иванович, т.е. начальник Рай. НКВД и что если я не сделаю этого, после буду жалеть. Но мануфактуры я ему все же не дал!

В августе также было собрано Районное партийное собрание, на котором был представитель Обкома с информацией о действиях контрреволюционной группы в районе, т.е. Смирнова, Универа, Ставрова, Сабурова. Был также поставлен вопрос о Козлове П.Д. / он был в это время на сборе в армии, его от туда вызвали, пригласили на это собрание и исключили из партии за связь со Смирновым /.

В такой обстановке, что либо понять о творившемся было, как говорят, "непостижимо уму человеческому".... Ведь я знал всех этих людей, понимал отлично и в глубине души верил им, что они ни в чем не виноваты, а положение было такое, как будто уже в стране произошел какой-то фашистский переворот, а по форме все было так: и партия, и Советская власть существовали и, от их имени расправлялись с самыми её лучшими представителями. В этой обстановке я был очень близок к тому, что сделали многие, т.е. уйти от жизни и не отвечать / ведь я был Коммунист! / за это мрачное время, за эти черные и кровавые дела. Но я был избавлен от этого тем, что в период такого душевного состояния, я был арестован сам!!! Это произошло 29 августа. Моему аресту предшествовали такие эпизоды: числа 24 августа в Райпо из Иванова, от имени Облпотребсоюза приехал инструктор под предлогом проверки работы, по фамилии Антропов; Его и поведение и эрудиция в области торговой работы и метод её проверки для меня стали понятны, что он подставное лицо, а фактически работник НКВД. Двадцать шестого августа ко мне пришел начальник НКВД Крылов Н.И. и сказал мне, что нужно собрать у нас в Райпо партсобрание, а он на нем будет присутствовать, как представитель Райкома. Я ему сказал, что я не секретарь, нужно обращаться к секретарю. Он ушел... На другой день, т.е. 27 августа собрание было все же собрано / секретарь тогда был Румянцев, работник загот-лен /.

На повестку дня Крыловым был предложен вопрос "о вредительской деятельности Смирнова, Универа в потреб-кооперации района" — докладчик Я. Такое нелепое предложение меня очень удивило и, я в порядке обсуждения повестки дня собрания предложил, что по этому вопросу я не могу быть докладчиком: я ведь Смирнова и Универа не арестовывал, дело их не вел, а вот Крылов как раз этими делами занимается, ему и надо быть докладчиком. Он заявил, что он не в курсе дела и от доклада отказывается. Я во вторичном выступлении сказал, что раз Крылов не в курсе, значит Смирнов и Универ арестованы без основания, что данный вопрос с повестки дня нужно снять и он большинством голосов принят не был, и собрание прошло совершенно в противоположном направлении и по вопросу "о каком-то вредительстве" не было и упомянуто. После собрания старший бухгалтер Третьяков Н.А. и его заместитель Некрасов С.П. "с глаза на глаз" сказали мне, что им все понятно: — из всего происходящего за последние дни и в особенности сегодняшнее собрание показало, что "пришли по мою душу", что они приготовили мне 10 тысяч рублей денег и мне следует бежать сегодня ночью...., я это предложение отверг!!!!..

Двадцать девятого августа в районной газете была напечатана резко критикующая мою работу статья, а днем мне по телефону секретарь Райкома Грибин С.А. предложил вечером на заседании Райкома сделать доклад "о работе Райпо". Я отказался, мотивируя, что таким "пожарным способом" такие серьезные вопросы не обсуждаются, к ним нужно хорошо готовиться, а Вы предупреждаете за два часа, тут я говорю что-то не так, он как-то замаялся и сказал: но тогда все равно приходи на заседание Райкома, возможно мы обсудим сегодняшнюю статью в газете. Я на заседание явился и перед самым его началом Сорокин подошел ко мне и сказал, что меня просит зайти к себе прокурор / помещение было рядом/. Я даже не взял с собой портфеля пошел к прокурору. В это время там находился начальник уголовного розыска / фамилии его не помню / и что-то прокурор печатал на машинке. Затем он позвал меня в кабинет и прямо заявил: слушай т. Власов постановление о твоём аресте... Зачитав его он заявил, что он лично не виновен, и показал мне телеграмму из Иванова, в которой было написано: меня арестовать по признакам ст. 58-7, после чего он предложил меня отвезти в КПЗ⁺ и начальник угл.розыска меня сконвоировал по назначению / обязанности прокурора выполнял следователь Комаров /

+ КПЗ -- камера предварительного заключения

Так вот совершилось, по отношению ко мне, то г н у с н о е
и п о д л о е дело, которое так морально тяжело давило
мое сознание в последнее время.... И на первый миг почувствовал
как будто какое-то облегчение, от какой-то непонятной мне
тяжести.....

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

1.

Из канцелярии прокурора, не заходя в Райком, / где остался мой служебный портфель с документами / я был направлен в КПЗ при РайНКВД. При мне был мой партбилет и мандат депутата Райсовета, которые я отказался сдать дежурному милиционеру, а затем и начальнику милиции, мотивируя тем, что нет решения ни Райкома об исключении из партии, ни Президиума Райисполкома о лишении меня депутатской неприкосновенности, что это произвол! Дело кончилось тем, что милиция, по команде их начальника набросилась на меня, чтобы данные документы изъять насильно / произошло нечто вроде драки ~~и~~, в которой досталось обоим сторонам / и в результате документы были отобраны и я был брошен в камеру.....

Вот так, по существу, произошло мое исключение из членов КПСС и депутатов Райсовета.

Когда меня вели из Райкома в КПЗ через площадь с. Кадый в окно здания, где находился Райком-Комсомола, эту картину увидел, находящийся там товарищ^{us} Райпо Женья / фамилию я уже не помню /, молодой парень, только что прибывший на работу Райпо по окончании торгового техникума. Он увидя воскликнул: " вот сволочи^{us} моего хозяина и то арестовали " / очевидно я в его представлении не мог быть виновен /. После такого его "поведения", его тут же исключили из членов Райкома и комсомола, а во время призыва в армию осенью 1937 года - в армию не взяли / как политически не-благонадежного/

Из НКВД, при конвоировании на допрос возили мимо квартиры, а на обратном пути я все время наблюдал, как стояла Александра Михайловна, на руках её был сын Игорь и за подол держались Зоя и Нина и все плакали на всю улицу!!! Один раз они подошли ко мне рядом / позволяя это только милиционер Глаголев - он в-последствии по моему совету покинул эту службу, т.к. он не мог выполнять по своему характеру того, что от него тогда требовали по отношению к таким людям, как я / передали мне 30 рублей денег и часто я вспоминал взгляд глаз Игоря, Нины и Зои - в нем можно было прочесть глубокий страх и потрясение их сознания, а Зоя та даже сопровождала меня до НКВД. Эта картина и переживание для меня были самым тяжелым ударом, даже само мое положение как-будто куда исчезало и я только думал о них. Да! О них я думал по-тому, что им как будто никто не говорил, что они в чем-то виноваты и они сами это понимали,

но жизнь их была ужасно невыносимой, даже в несколько раз тяжелее, чем тем, кто был посажен и, будучи ни в чем совершенно не виновными, они несли невероятно тяжелое наказание: как моральное, так и физическое... К ним переставали заходить в квартиру; все, кто до этого бывал часто — от них отворачивались, на них указывали вслух: что жена "вредителя", дети "вредителя" или "врага народа" Зоя часто приходила домой со слезами, с окровавленным носом и побоями только потому, что она вступала в ссору и драку с другими детьми на улице, когда ей говорили: "твой отец "вредитель" и она вступала в драку: кричала: мой папа хороший! ≠ Вот эта травля и была одной из причин её смерти. ~~Д~~ о чем будет сказано далее...

По какому праву в течение целого года Александру Михайловну не принимали на работу только потому, что она моя жена? Этим самым обрекая её и детей на голод и бедствие, а некоторых подобных ей и на преступление.

Камеры — их было две, в одну из которых я был брошен находились внутри широкого одноэтажного здания одной стенкой выходившие в коридор, который был между ними и наружной стеной с двумя окнами и дверями в данный коридор и остальные три стенки примыкали к другим глухим стенам, поверх двери было маленькое окошко, в которое почти не проникал дневной свет. А освещения не было никакого. В следствии этого в камере было темно и страшная духота /т.к. не было вентиляции /. Нар не было и заключенные валялись прямо на грязном голом полу, где была невероятная грязь и несметное количество клопов и вшей. Площадь камеры не превышала семи квадратных метров, а в ней находилось до 10 человек.

Через три дня после моего ареста я был вызван следователем Комаровым на допрос к себе в кабинет, где он задал мне несколько вопросов, на которые я должен был отвечать "да" или "нет". На этом первый допрос кончился.....

Через три дня я снова был вызван на допрос, где мне был написан "вопросник", по каким вопросам я обвинялся, на которые я своей рукой написал показания, еще через четыре дня в третий раз я был вызван к следователю, где мне Комаров дал все следственное дело для ознакомления и подписания протокола об окончании допроса.

Из дела я узнал, что оно заведено на меня по ст. 58-7, т.е. по обвинению меня в контрреволюционном вредительстве в торговле района и на директора загот.конторы Королева, и старшего бухгалтера Третьякова — на них обоих по ст. 109, как по злоупотреблениям /с чем не знато /.

Из дела я узнал также, что обязанности председателя Райпо были возложены на того Чистякова, который был совершенно не пригоден как член Правления и зав. торгового отдела. На последнем допросе ~~И~~ Комаров сказал мне, что его с моим следственным делом вызывают в Иваново. В деле не было ни документов, ни показаний свидетелей, из чего бы можно было заключить, что я занимался вредительством. Там были собраны справки и сводки Райпо, газетные вырезки и другие мелкие бумажки, но давалась окраска и заключение, что имеющиеся недостатки, как-то: очереди за хлебом, растраты в аппарате, не соблюдение ассортиментного минимума, некоторые излишне завезенные товары, даже соль! мобилизационный запас! /и что это все результат моего личного вредительства... После этого, дня через три я был отправлен в Иваново во внутреннюю тюрьму ОблНКВД, это было числа 10 сентября.

II.

В Иваново меня конвоировали через Кинешму, где сначала держали в тюрьме часа два, а затем при Кинешемском НКВД, т.е. возили по тюрьмам всю ночь, а поездом в четыре утра отправили в Иваново. Меня конвоировали два милиционера, я находился в обычном купе на нижней полке и лежал..., и мог слышать такой разговор: * на вопрос к одному милиционеру одной девушки, куда он едет и зачем?, он сказал ей: " что конвоирует преступника по 58-й статье и указал на меня. А на вопрос, что это за 58-я статья? Он пояснил: что эти люди сжигают заводы, взрывают поезда и мосты на железных дорогах, убивают людей... Тогда ехавшие тут пассажиры вскрикнули: "какой ужас!" и все разбежались от нашего купе, а лежавший на полке выше меня какой-то пассажир до Иванова, свесив голову не сводил с меня глаз.... Во внутреннюю тюрьму меня привезли в 9 утра, где меня раздели до гола, прощупали всю мою одежду, отобрали у меня ту-журку, кепку и я остался только в костюме. После чего я был помещен в камеру по внутренней обстановке напоминающей гостиницу: четыре койки с подушками, одеялами, простынями, столиками со стульями по середине. В этой камере я пробыл не более 30 минут и был вызван на допрос.

Сразу, следователем Морозовым мне было заявлено, что в троцкизме, шпионстве, и терроризме меня не обвиняют, но что я являюсь членом контрреволюционной организации, что им это известно с 1931 г. Я тогда сказал: что если ему было известно, что я член контр.рев. организации с 1931 года, когда по положению он немедленно должен предотвратить контрреволюционное действие, а он этого не сделал в

течение шести лет, значит он сам контрреволюционер и, было еще несколько моих возражений. После всего этого он мне "стаж" снизил и стал предъявлять мне обвинение, что я член контр.рев.организации с 1936 года. Так за весь период следствия он добивался от меня признания в этом, чего так и не добился. Через двенадцать часов допроса, т.е. в 9 часов вечера я был отправлен, но не в ту камеру /с 4-мя кроватями/, а в подземелье. Это бетонный ящик, не имеющий ничего кроме стен, пола и потолка, которые были сырые с подтеками воды. Тут же мне была принесена "пища" — это четверть литра кислой какой-то похлебки, 250 грамм хлеба, кружка кипятку с маленьким кусочком сахара. Не успев это съесть, как снова меня взяли на допрос и опять до девяти утра, т.е. был проведен допрос в течение полных суток без перерыва. В течение ночного допроса в процессе пререканий со следователем Морозовым / он был все время один/, он мне задал вопрос: так за кого же я считаю НКВД? Я ответил: " что начиная с тебя и кончая вот "им" — я указал на портрет Ежова — агентами Германского фашизма в нашей партии! Морозов спросил: чем я могу доказать? Я ответил: тем, что Германский фашизм уничтожил Компартию Германии, разгромил дом Карла Либкнехта и всех коммунистов загнал в концентрационные лагеря, тоже самое делает и НКВД. Он опять спросил: из чего это видно? Я был крайне удивлен этим вопросом и сказал, что ты разве перед собой ни кого не видишь?, а то кто?, а кто Смирнов?, Ставров?, Универ? и десятки тысяч других??? — Он ехидно заметил, что такой вопрос и ответ можно занести в протокол / хотя он возник не в процессе прямого допроса /. Я сказал, что можно — я такое показание подпишу. Он долго соображал и наконец сказал: что не нужно, это к делу не относится, ты с———нь скажи лучше как ты состоял членом контр.рев.организации? Я возразил: как к делу не относится?, ведь вы меня обвиняете в контрреволюции, а так отзываться о НКВД разве по вашему — не контрреволюция??? или это правда и вы боитесь её?... Он вскипел и сказав ты шибко грамотен, после чего хорошо съездил мне по виску, что я слетел со стула. На этом этот вопрос считался исчерпанным.

Вернувшись в камеру в девять часов утра, после трех абсолютно бессонных ночей и суточного допроса, съев положенное, то, что и вечером, я к тому же был страшно голоден, я сел на пол положил руки на колени, а на них голову и заснул, и не слышал, как зашел ко мне в камеру долговязый — верзила в валенках и форме милиционера и нанес мне сильный удар по голове с добавлением " ты что такая мать с———чь, не знаешь, что днем в камере спать нельзя!

Так, в течение десяти суток, т.е. с девяти вечера до девяти часов утра допрос у Морозова, а с девяти часов утра до девяти часов вечера в камере с избиением за сон. Чтобы избежать избиения, я стал прибегать к такому приему: уходил в угол подземелья и там стоя пытался засыпать, но как только я засыпал, у меня подкашивались ноги и я падал на пол, и этим подвергался добровольным ударам головой о цементный пол.

В процессе допроса также был и такой эпизод: Морозов вдруг заявил, что как хочешь с-----чь / он меня ни как не называл, только этим словом, даже никогда не называл по фамилии / не сознаешься, у нас ~~никаких~~ ^{всего} ~~всеравно~~ ^{всего} достаточно материала, что бы меня расстрелять, и показал мне протокол допроса Смирнова, в котором было записано: что он, Смирнов и Укивер организовали в Кадме контр.рев. организацию и что в нее входили Ставров, Сабуров и Власов. Я заявил, что не слышал, как это говорил Смирнов - Морозов указал мне на подпись Смирнова, я опять сказал, что я не видел, как подписывался Смирнов.... Тогда следователь закричал: что же с-----чь, думаешь, что мы в НКВД подделываем подписи.... Я заявил: что НКВД способно не на такие подписи, что они опустились до фашистских подонков?, а подделывать подписи - это уже даже мелочь, по сравнению с остальным... Я потребовал, чтобы сейчас же привели Смирнова и я у него спрошу, как он это подписал?... Он тогда поднялся и выйдя из-за стола сказал: что он мне сейчас даст Смирнова! и дал по виску, что я слетел со стула - на этом и этот вопрос был исчерпан.

Такие методы следствия и условия содержания довели меня до состояния упадка физических сил и глубокого морального и психического потрясения, последние дни допроса я уже не осмысливал и не осознавал по-настоящему, что я говорю, а затем и подписывал....!

В период моего нахождения в подземелье ко мне иногда на не длительное время сажали других ~~из~~ ^и арестованных, в частности, были: Трионов И.И. доцент Ивановского пединститута по математике, сын которого был редактором газеты "Комсомольская Правда" / умер молодым /, в возрасте старше 70-и лет обвинялся в "троцкизме", по которому, как он говорил, не читал ни каких газет, ни Николаевских, ни Керенских, ни Советских - и в действительности он совершенно не разбирался ни в каких партийных течениях и никогда не интересовался ни какой политикой - он получил десять лет. Потапов - священник Богородской церкви / это село под самым Ивановым / в возрасте 80-и лет, ^и которого виртуозная матерщина следователя была тяжелее, чем любое наказание и он подписывал все- что угодно, лишь бы не слы-

нать этой матерщины; он был болен горловой чахоткой, от которой и уж умер в тюрьме. Костин — главный инженер Иваново-Вознесенска, коммунист, молодой подлинно Советский инженер. Очень образованный и культурный человек — был расстрелян!.... Мелюшкин — майор, работник штаба 3-го стрелкового корпуса, из бывших офицеров, участник Гражданской войны, награжденный — мучался страшными припадками ^{маниями} ~~истерии~~, несмотря на все требования, ему не оказывали никакой медицинской помощи — был расстрелян!....

III.

В обвинительном заключении, врученном мне 23 сентября говорилось: что в Кадме была создана по заданию Епанешникова второго секретаря Обкома / того самого, которого Хрущев на 22-м съезде упоминал, как человека, павшего от произвола в период Культа личности / и Агеева С.П., председателя Облисполкома контрреволюционная группа, что организаторами группы были Смирнов и Универ, а членами Сабуров, Власов и Дюкилов и как исполнители заданий были Писарев и Троицкий.

Из обвинительного заключения было видно, что членов группы ждет СМЕРТНАЯ КАЗНЬ, т.к. в нем группе предъявляли обвинение, что посредством контрреволюционного вредительства пытались свергнуть Советскую власть и установить власть помещиков, капиталистов и кулацких хозяйств / дословно — из учебника политграмоты /.

Для нашего процесса было сформировано специальное присутствие Областного суда в составе председателя зам. председателя Областного суда Шубина, члена суда председателя спец-коллегии Биче и члена спец-коллегии Зорзерова, гособвинитель обл-прокурор Карасик и два защитника Благоведенский и Тетюшкин. Судили нас показательным процессом в с. Кадый, в здании строящегося клуба.

Из Иванова нас отправили утром 24 сентября. До поезда везли специальной машиной / черный воронок/, котрая устроена так; по обоим сторонам шесть маленьких ящиков и по середине коридор. В этом ящике человек лбом чувствует дверь, затылком стенку и верхом головы потолок. В пассажирском поезде до ст. Кинешма был очищен от пассажиров одик вагон, в котром везли нас и нашу охрану, которая была из резерва конной милиции в количестве сорока человек, вооруженные пистолетами и палками, винтовками, начальник спец.секретного отдела ОБЛИКВД Клякин и с ним два сотрудника, состав суда, два журналиста из областной газеты. По нашему процессу печатался стенографический отчет, было опубликовано обвинительное заключение

и приговор. В этом отчете писалось совершенно все наоборот, в особенности показания наши и свидетелей, давались жуткие комментарии. Со станции Кинешма нас отправили на автомашинах и вот автоколонна состоящая /не менее ¹⁴двенадцати машин, проезжая до Кадья на расстоянии 110 километров представляла жуткое зрелище и жители деревень, завидев её исчезали, как от какого-то нашествия иноплеменников. По приезду в Кадый, тут же вечером начался судебный процесс.

Перед процессом ко мне / мы были размещены по одиночке в казематах РайНКВД / зашел защитник Тетюшкин и сказал, что он мой защитник и, что он хотел бы со мной побеседовать. Я заявил ему, что я с ним разговаривать не желаю, я ни в чем не виновен и меня не от чего защищать. Он пожал плечами и вышел. На суде все обвиняемые от защиты отказались. Все же суд состоялся с участием сторон...

Ставров на суде не оказалось. Прокурором была зачитана справка, что он помер в тюрьме, и что он, прокурор, возбуждает ходатайство перед судом, его т.е. Ставрова показания на предварительном следствии считать, как показания на суде. Суд удовлетворил его ходатайство. Фактически же дело обстояло так:.... Как известно Ставров был арестован первым, то он и "создал" в нашем районе контрреволюционную организацию, т.е. его показания являлись основанием для ареста остальных. И вопрос был решен так: чтоб Ставров не мог на суде присутствовать, где бы все остальные заставили его рассказать суду, как он создавал эту организацию?, его присутствие, по существу, свело бы на нет судебный процесс. Было решено его уничтожить и он был уничтожен в тюрьме во время следствия. Первым допрашивался Смирнов, затем Универ и все остальные. Виновными себя никто не признавал, а вопрос судьи Универу: почему его показания на суде расходятся с показаниями на следствии?, он сказал, что как коммунист не может рассказать на открытом суде о методах допроса НКВД, в следствии которых он давал показания на следствии, он напишет письменно, а суд пускай их приобщит к делу и зачитает на суде, но суд ни сделал ни того, ни другого / Универ сделал глупо, он еще очевидно не вышел из того ошеломления, какое получил на следствии, он едва говорил, ему очевидно здорово досталось!/.

После первого заседания ко мне в камеру пришел Клягин и говорит: ты слышал, как Смирнов давал показания?, он облядовал, оказался курва-сволочь и наговорил суду правды... и себя виновным не признал, ты должен говорить только правду и виновным себя признавать..... Я заявил ему, что расскажу суду " всю правду!", вот, вот так!, вставил он, но я добавил, что виновным себя не признаю!, и правда моя будет заключаться в том, что вы ни чем не отличаетесь от Германских фашистов! Тогда он рассмеялся.

Тогда он расшвыривая закричал: "смотри сволочь, кровью расплатишься!". Я схватил табуретку, бросился на него, он моментально выскочил. На этом его "беседа" со мной кончилась.....

Подробно описать процесс слишком долго и много нужно писать, но нельзя не остановиться на некоторых его эпизодах....

На вопрос прокурора Смирнову, что он может сказать о вредительской деятельности Власова?— Смирнов ответил: "что он знает Власова как преданнейшего коммуниста и прекрасного хозяйственника". Прокурор заметил, конечно: "правый враг народа покрывает такого же"... Еще на вопрос: "знал ли Смирнов о хлебных очередях в районе и что предпринял? — он ответил: "знал!— они тянулись от здания Райкома и до магазина, что он дал поручение Власову написать о голоде в Районе Сталину, т.к. все обращения в областные организации не помогали..... Такое письмо он написал "фельд-связь", т.е. секретной почтой отправил в ЦК Сталину, но все-равно ничего не изменилось и от Сталина даже не было ответа..... Копия этого письма находится в делах Райкома и его он просит приобщить к делу. Прокурор заявил: "что это двурушничество, одной рукой вредили, а другой писали Сталину / как это можно?—какой абсурд!/"

Еще такой эпизод: Прокурор задает мне вопрос: "как я додумался до того, что отдал распоряжение прекратить продажу печеного ржаного хлеба в райцентре, ведь это вредительство!— признаю ли я себя в этом виновным?... Я ответил, что данный вопрос надо разбить на два: один — было ли мое такое указание?, и виновен ли я в этом?... Да! такое указание я давал, но виновным я себя не признаю. Прокурор заметил: как это понимать?... Я пояснил как надо понимать и рассказал, как это произошло. А произошло оно так: В начале февраля 1937 года я получил из Райисполкома с визой Предрика Универа — "Власову для исполнения" — постановление / протокол / Президиума Облисполкома, в котором в одном из пунктов говорилось: "прекратить продажу печеного ржаного хлеба в Райцентрах, в 13 районах области, в то число входил и наш район. Я тут же отдал распоряжение зав.торговым отделом, чтобы они это выполнили, что ими и было сделано....., но ведь гражданин прокурор!—там в протоколе, где перечислялись члены Президиума, значится Ваша фамилия?—, что же, выходит Вы присутствовали на этом заседании, голосовали за это решение, т.е. Вы являетесь его творцом, а я только исполнитель, в порядке государственной дисциплины..., Вы можете быть будете оправдываться и скажете, что за это не голосовали?... но ведь Вам, как прокурору, представляется право "Вето", т.е.

приостановить это решение как незаконное... Вы этого тоже не сделали?, а теперь говорите, что это вредительство. И с Вами согласен, что вредительство, но ведь вредитель Вы, а я исполнитель, я согласен отвечать перед судом в том случае, если Вы покинете трибуну государственного обвинителя и сидите со мной рядом и будете здесь перед народом отвечать... а то что выходит Вы меня судите, а я отвечаю!.. Он покраснел как рак и ответил: "что если надо, будут судить и прокурора, а теперь судим мы Вас"/в зале зашумели..../

Подобно этим эпизодам, были эпизоды и в свидетельских показаниях-зав. хлебным магазином Сизаревой Н. прокурор задал такой вопрос: "много ли у Советской власти хлеба?" / как на него ответить? Много - отвечала она. А как же, опять спросил прокурор - получается что у Советской власти хлеба много, а у вас хлебные очереди? Почему это так? - не знаю- отвечает она, от кого это зависит? - не знаю... опять отвечает она. Как не знаю!?- уже закричал на неё прокурор. У Вас кто руководитель был? - "Василий Григорьевич"- отвечает она. Какой "Василий Григорьевич"?- подсудимый Власов! одёргивает её прокурор, ну подсудимый Власов- отвечает она., так значит от него это все и зависело?, так ведь? - она молчит.... Тогда прокурор диктует показания секретарю для занесения в протокол: " в следствие вредительской деятельности Власова создавались хлебные очереди, несмотря на огромные запасы хлеба у Советской власти....., так я понимаю Ваши показания Сизарева? - она молчит..." так и запишите" говорит прокурор секретарю.

Второй эпизод: допрашивают свидетеля зам. старшего бухгалтера Некрасова С.П.:

Прокурор: - Что ему известно о вредительской деятельности Власова?

Некрасов: - Ничего не известно. Я находился в свидетельской комнате и не слышал, что говорилось на суде.

Прокурор: - Вы кем работаете?

Некрасов: - Зам. старшего бухгалтера.

Прокурор: - Как же так ведь Вы не могли не знать исходя из того, кем Вы работаете, ведь через Васшло много документов и разных распоряжений?..

Некрасов: - Власов вредил или нет - я не знаю!, а если даже и вредил он, мне об этом не докладывал!....

Прокурор: - /Беря в руки пачку районных газет: " вот тут семнадцать номеров районной газеты, в каждой пишется о вредительстве Власова, а Вы говорите, что ничего не знаете. Как же так?

Некрасов: - Я газет не читаю ни каких и в них ничего не пишу. Спрашивайте тех, кто пишет, очевидно они знают...

Прокурор: - / со злостью/ - Садись!!!

Если бы этот процесс слушал человек с закрытыми глазами и его бы не предупредили, что идет суд, то он никогда бы не поверил что это действительность и, что на основании такого процесса можно приговорить людей к смертной казни, он бы подумал, что находится на разыгрывании кокого-то глупого водевиля...

Так прошло четыре дня суда. 27-го, после речи прокурора, жюри который попросил для Смирнова, Универа, Сабурова и меня - высшую меру наказания - р а с т р е л ! Нам предоставили последнее слово: " Вас- как суд, я ничего не могу просить, и ничего Вам не буду говорить, т.к. я вас за суд не считаю, а считаю вас за артистов, изображающих суд, разыгрывающих заранее изученные роли по указанию НКВД и вы не являетесь представителями правосудия, а являетесь "страха ради", исполнителями гнусной провокации НКВД. Вы бессильны проявить что либо от вас зависящее. Все равно Вы приговорите меня к расстрелу, что бы я вас не просил, что бы я вам не говорил, а раз это так - я ни о чем вас не прошу. Я скажу только то, что я не хотел бы умирать в настоящее время только потому, что я глубоко верю в то, что наступит неизбежно такое время, когда за гнусное дело, которое Вы творите - вы будете стоять на том самом месте, на котром я нахожусь сейчас...!!! Вот свидетелем этого времени я хотел бы быть. Мне до него только хочется дожить, поэтому я не хотел бы быть расстрелянным, только во имя этого хотелось бы жить, так во всем остальном жизнь уже испорчена....

В таком примерно содержании и была речь Смирнова. Остальные же подсудимые ничего содержательного не сказали, в частности, Сабуров сказал, что просит суд сохранить ему жизнь " не для меня, а для моих маленьких детей"... Я дернул его за пиджак и сказал: " дурак ты"

В семь часов вечера суд удалился на совещание, а в час ночи был объявлен ПРИГОВОР.

В период, когда совещался суд, было разрешено свидание. Меня на свидание вызвала Пюра / фамилии я уже не помню /, уборщица Райпо. Очень исполнительная и хорошая работница. Она бросилась ко мне на шею с сильным плачем и говоря: Василий Григорьевич! Неужели Вас расстреляют?! Я ей ответил: - наверно. Она едва могла уйти испуганная таким ответом. На процессе Александры Михайловны не было, она была уже в Пересладе. Лени Смирнова тоже не было. Были жены Универа и Сабурова. На процессе присутствовало несколько сот человек, и никто не уходил, когда суд был на совещании, все ждали приговора. Приговор был на восьми листах, зачитывался долго.

В нем было такое нагромождение разного рода "вредительских действий", что не было в районе такого явления или отрасли работы, или хозяйства, где бы мы "не вредили". В нем сначала и до конца воспроизводилось то, что было сказано в НКВД в обвинительном заключении. В заключении говорилось: о том, кто к чему приговаривается: Троицкий к 3-м годам, Дожиллов и Писарев к 10-и годам лишения свободы, а Смирнов, Универ и ~~и~~ - к расстрелу.

Чтение приговора характерно выдающимся инцидентом; совершенно неожиданным для устроителей судебного процесса: "к расстрелу!" - судья сделал длинную паузу / ожидая хлопков /, но в зале была такая тишина, что даже были слышны отдельные вздохи, но не ~~ни~~ одного хлопка.... Далее судья читал ~~ниже~~ и с конфискацией принадлежащего им имущества и опять длинная пауза... но снова тоже тишина и ни одного хлопка, и конец приговора говорил: "приговор окончательный и обжалованию не подлежит".... После этих слов в зале также ни одного хлопка, а вместо этого из зала раздались голоса ~~х~~"ой! батюшки, что вы делаете!!!"~~х~~ и так несколько раз. Одновременно с этим я обратился к народу и сказал иронически: "что никто не хлопает суду?", "коммунисты, вы хоть похлопайте" / они занимали две передних скамьи и не разу не хлопнули /, но в тот же миг ко мне подбежал политрук взвода охраны и тыча мне револьвер в лицо закричал на меня, "что я говорил народу?", повторяя это несколько раз и прочие выражения. У меня было страшно возбужденное состояние, можно сказать, что просто неумолимое, я нацелился вырвать у него наган и с ним проложить себе дорогу к свободе и уже схватил его за руку, но не успел её вернуть, как его за воротник гимнастерки схватил один милиционер и отбросил от меня, что он перевернулся вверх ногами, при этом он сказал: что он дурак, что нельзя подходить в такой момент к приговоренным к расстрелу людям, да еще с такими "дерзостями". В результате получилось что-то вроде ~~"не большой свалки"~~ ^{как} так все эти крики народа из зала, мое обращение к народу и моя схватка с политруком было одновременно, то вызвало большое замешательство в охране и начальник конвоя подал команду "к оружию!", в зал на народ одновременно было направлено до тридцати винтовок охраны и много пистолетов от других присутствовавших на суде работников НКВД и милиции. Среди народа началась паника, вызвавшая давку. Народ полез из зала не только в двери, но и во все окна, открыв рамы. Состав суда моментально исчез и мы не менее 30-40 минут наблюдали эту давку, а охрана стояла с обращенным наготове в зал оружием.

IV

После чего нас по-одиночке стали уводить в РайНКВД. Порямок был такой: два человека меня вели под руки и держали в другую руку пистолет, один шел сзади, а другой впереди с пистолетом в руках. Было около двух часов ночи, страшная темнота. И я пока не дошел до места, очень переживал, боясь, как бы они в такой темноте не застрелили меня провокаторски / я от них, после пережитого ждал всего / под предлогом попытки к бегству

На другой день утром в зале, где проходил суд, была обнаружена в бессознательном состоянии жена Универа - Мария Калистратова.

В период суда я находился в канцелярии НКВД по соседству с кабинетом начальника. Каждую ночь я слышал как Клюкин информировал Иванова о ходе процесса. Во вторую ночь, я из разговора Клюкина узнал, что Романов В.Ф. снят с должности председателя Райисполкома и впоследствии арестован. И это произошло после того, как по ходу допроса Смирнова, он как-то высказал удивление, что его обвиняют во вредительстве в сельском хозяйстве, в частности, в смещении севооборотов, в особенности по Чернышевскому с/с, когда там комиссия по составлению плана сева по данному с/совету возглавлял Романов, он назначен на должность предрика, а я подсудимый?! Раз это так, то это обвинение с него должно быть снято. В конечном счете вышло, что Романов попал в ту яму, которую копал для других.

После суда меня поместили в комнате участкового инспектора и совместно со мной находились одновременно два милиционера, а ночью три - это была моя охрана. Моя нервная система была так потрясена, что лежа на письменном столе меня трясло как ^{от} сильной малярии, ложку с супом я не мог поднести ко рту, чтобы её не расшлепскать, и я ел суп из тарелки по ребячьему прямо ртом. Так длилось в течении пяти дней, пока мы не были отправлены в Иваново. В Кадые держали до решения ВЦИКа о помиловании, это делалось на случай, если приговор утвердят, то расстрелять нас в Кадые / была боязнь инцидента при конвоировании /. Об этом Смирнов подслушал разговор Клюкина по телефону с Иваново.

В период моего нахождения в камере, ко мне неоднократно приходил Клюкин и цинично издевался надо мной. Однажды в такое посещение он спросил меня: - как я себя чувствую?
- как может человек себя чувствовать, когда он приговорен к расстрелу - так я себя и чувствую...
- "не волнуйся", может быть отменят
- это зависит только от вас
- нет, это зависит от суда

- а раз это так, то значит я буду расстрелян....
 - ну жгиж что ж - все равно когда нибудь придется умирать....
 - умри ты первый! Я схватил его за горло, только вмешательство находившихся со мной милиционеров, спасло его от неприятности.

Из Кадья нас отправили 4 октября через Кинешму, возли меня на грузовой полуторке в окружении семи милиционеров. Проезжая через Волгу на пароме, я мысленно прощался с нашей русской красавицей рекой, не рассчитывая, что когда-либо увижу её. В Кинешме мы ночевали в тюрьме. Нас поместили в карцере в подземелье / в тюрьму был превращен какой-то бывший монастырь /. Я попал вначале вместе со Смирновым Ф.И. Тут я ему сказал: как он мог допустить подобное показание, что он создал контрреволюционную организацию, и в которой состоял ~~жж~~ и я. Ведь на самом деле не было её. И я еще добавил кто ему дал право распорядиться моей жизнью?... Ведь ты знал, что я не состоял ни в какой конгр.рев.организации.... Как все это произошло?... Он бросился ко мне со слезами как ребенок и стал говорить мне, что он такого показания не подписывал, что это протокол подложный, что нужно было требовать его, и что он может быть через час уйдет в могилу, но он с тем и уйдет, заявляя, что он в этом не виновен....

Сооставляя его предсмертные заявления с тем, что мне Морозов, по моему требованию, не представил очной ставки со Смирновым, становится вполне ясно, что Смирнов говорил мне правду....

Через два часа меня отделили от Смирнова и посадили в другой карцер, в котором находились два смертника: один из них по фамилии Андреев, был в Семеновском р-не агрономом, лаборантом при Райзо. Обвинялся в том, что " с вредительской целью давал неправильные анализы на семена колхозов / какой абсурд! /; другой смертник был главным механиком Кинешемского деревообрабатывающего комбината / фамилию не помню /.

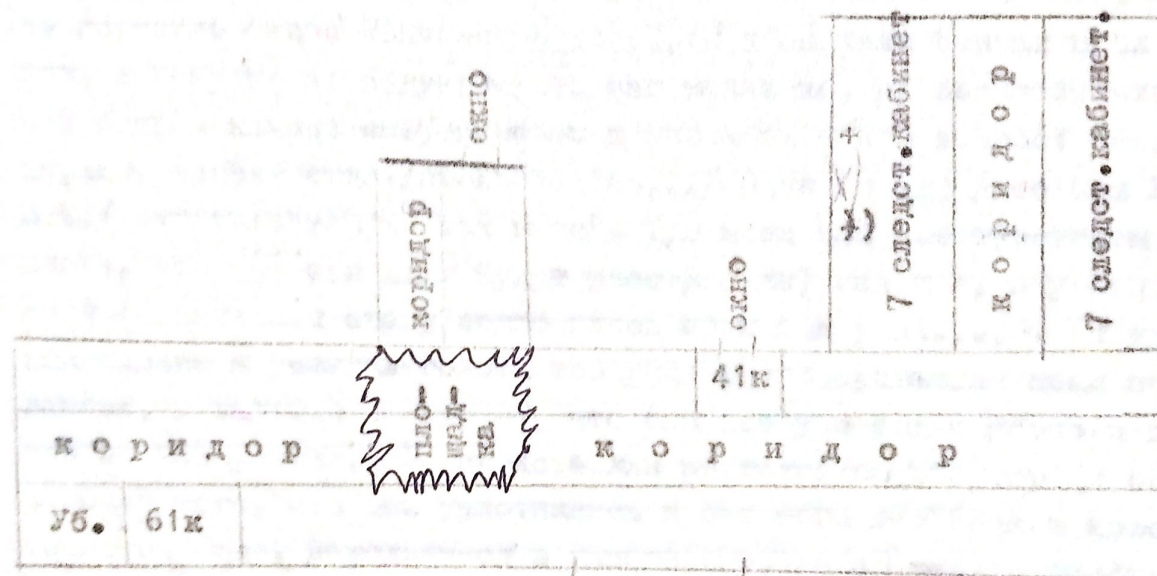
Из Кинешмы нас отправили в Иваново 5-го октября в арестанском вагоне / в Столыпинском / совместно с другими заключенными. Всего в количестве 80-и человек, ~~жжжжжжжж~~ на пути в городе Вичуга к нам еще подсадили двух смертников, они были молодыми Советскими инженерами, коммунистами. Обвинялись в том, что они контр-революционные вредители. А существо дела заключалось в том, что в ~~одной~~ на высоковольтной линии в трансформаторной будке произошел взрыв, вызванный тем, что в трансформаторное масло попала вода, по неизвестным ни кому причинам, это вызвало простой какой-то текстильной фабрики 1.1/2 дня и все....

В Иваново наш вагон отцепили и загнали на товарный двор. Через час к вагону был подан "черный ворон" и были вызваны Смирнов,

Универ, Андреев и два Вичужских инженера и увезены, а остальные остались в вагоне. Вызванные шесть человек были увезены прямо на расстрел, и были расстреляны в ночь с 5-го на 6-е октября 1937 года...

У.

Я совместно с другими был направлен в тюрьму № 1. Это бывший литейный завод, двухэтажное здание следующей формы:

— железные
решетки

X
входное
крыльцо

в нижнем этаже были общие камеры ^{с во входе} (+)-следственный корпус ~~и~~ / 14 следственных камер, 4 камеры смертников, детские камеры, больничная камера и несколько общих камер.

Предварительно длительное время не менее 4-х часов, почти всю ночь была длительная процедура обыска, весь этап, состоящий из 80-и человек был во дворе на холоде. Нас трех смертников сразу отделили в отдельную группочку и обыскивали последних. Была жуткая обстановка: внутри широкого двора был виден в темноте огромный силуэт корпуса тюрьмы, и кругом тесовый плотный забор высотой 12 метров с еще более высокими вышками. После того как весь этап, кроме нас, был увезен в тюрьму, нас еще долго держали и уже создалось впечатление, что нас поведут на расстрел, особенно сильно переживал Сабуров. Когда нас позвали и предложили идти, он так крепко схватил меня за руку, что я даже закричал ~~нигили~~ от боли, он не мог идти от обуревавшего его ужаса, и его тащила охрана волоком и

с пинками Сабуров был посажен в какую-то другую камеру, а я в № 61 / это специальная камера смертников /, длиной не более пяти метров, а шириной, что я даже на полу не укладывался во весь рост. В ней было две железных кровати намертво прикованы к полу толстым железом. Было одно окно, дверь была одна, на ней висела одна железная решетчатая дверь, и одна деревянная глухая с/волчком/ как только я был впущен в неё, я не мог двигаться по ней, т.к. не было куда поставить ногу, т.е. по всему полу поперек камеры лежало 14 человек и 4 человека на койках / по два на каждой вилетом/. Камера, предназначенная на двух смертников вмещала до меня 18 человек. Меня сразу поразило такое количество людей, и я сначала считал себя смертником, почему то не подумал, что они такие же, но понимал, что я должен быть в камере смертников и я задал им такой вопрос: "как вы товарищи, попали сюда?/очень наивно.../ Один из них /это был Хоменко В.Н./ ответил:"так же как и вы". Тут меня как электро-током пронзила мысль, что все эти люди будут расстреляны! как и я, и у меня от такого впечатления сразу подкосились ноги и я упал....Выйдя из этого опеченения я услышал голоса товарищей, уговаривающих меня не волноваться, в надежде на лучшее, что они вот уже сидят давно и пока их еще не расстреляли. Мне представили местечко на полу среди остальных, за счет того, что они уплотнились и без того лежавших в невозможной тесноте. Люди, находящиеся в камере смертников вели и чувствовали себя по-разному. Одни сидели или лежали в течение многих дней подряд, уставив свой взгляд в одну точку, не проронив ни одного слова с другими, т.е. очень тяжело; некоторые из них на моих глазах седали в течении 3-4 дней, некоторые даже /было три случая/ сошли с ума. Другая часть держалась более спокойно и твердо. Вобщем, моральное и душевное состояние приговоренного человека к смертной казни - объяснить другим людям, которые это не переживали сами, я лично, считаю очень трудно, или даже невозможно. Я только хочу привести пример моего личного состояния, когда я читал в литературе о состоянии приговоренного к смерти у меня по коже был мороз и волосы вставали на голове, но в прочитанной мной литературе говорилось о переживании не более одной десятой доли того, что я пережил сам. Но мое личное моральное и душевное состояние отягощалось еще сильнее только потому, что я был абсолютно не виновен в предъявленном мне преступлении. Более характерные смертники в камере были: 1). Хоменко В.Н. - занимал должность Инспектора по фонду коня Красной Армии при Ивановском областном земельном Управлении, выходец из Кубанских казаков, в до-революционное время окончил школу офицеров, был участником Японской войны, где был ранен, и по негодности к военной службе уволен из армии и вплоть до Октябрьской революции был зам. директора коневод-

ческого завода в Хреновом, в возрасте около 60-и лет, очень образованный, культурный человек, всегда оптимально-душевно настроенный, был душой камеры, у каждого смертника, после беседы с ним, создавалось состояние облегчающее его тяжелую участь. Он был приговорен за то, что будучи специалистом по коневодству рекомендовал производить кастрацию жеребят в возрасте, не достигнувших 3-х лет. С ним было так: через несколько дней, как я попал в камеру, вернулась его жалоба из Москвы только потому, что он адресовал её не в ту инстанцию, это было через 55 дней, как он попал в камеру смертников. Он взял эту жалобу тут же на стене зачеркнул одну инстанцию и написал другую / как будто это сделать в Москве было нельзя / и она снова была отправлена в Москву и только опять через 60 дней он получил результат, он был полностью признан невиновным.

Так совершенно невинный человек просидел в камере смертников 115 дней!...

2). Колпачков Яков Петрович председатель Судогодского Райисполкома, был коммунистом в армии еще до Октября 1917 года. Он очень тяжело переживал, он несколько дней беспрерывно сидел на одном месте, смотрел в одну точку, ни с кем не разговаривал. В возрасте около 50-и лет, имел жену учительницу и детей - был **расстрелян** расстрелян.

3). Мельников председатель кустарной артели Совинского района по изготовлению ниточных катушек и шнуров для текстильной промышленности, в прошлом батрак, коммунист в возрасте до 30-и лет, приговорен за то, что в артели сгорела деревообрабатывающая мастерская от искры, вылетевшей из локомобиля / был признан конгр. рев. вредитель /

4). Красиков технорук той же артели, что и Мельников, из колхозников, в возрасте до 60-и лет приговорен за то же, что и Мельников. В последствии Мельникову и Красикову расстрел был заменен 10-ю годами.

5). Клименко, зав. складским и элеваторным сектором Ивановского Облзаготзерно, коммунист с 1919 года, в возрасте до 45 лет, переживал также, как Колпачков Я.П., имел жену / которая работала бухгалтером Обл. НКВД /, был признан виновным в том, что некоторые элеваторы области были заражены клещем. Был расстрелян.

6). Аркадьев Константин Сергеевич - это тот самый Аркадьев К.С. с которым я совместно работал в Переславском Райисполкоме, он был зав. Райзо. Это о нем я говорил, что если никто из посылаемых в деревню по коллективизации другим поручением не может ничего сделать, то как говорили, в Райкоме, нужно посылать Аркадьева. Он мог выполнить потому, что пользовался большим авторитетом среди крестьян. Сам он выходец из крестьян интенсивников д. Багра^{ль}ново

Переславского р-на, коммунист. Я даже не могу перечислять всех его качеств как человека и коммуниста, все они могут быть только образцом и примером для каждого, только с хорошей стороны. Возраст его был не старше 45-и лет. В момент ареста работал зав. Александровским Райзо. В конце октября он попал в нашу камеру, а через три дня в два часа ночи я лично прощался с ним в последний момент его жизни, т.е. тогда, когда его брали на расстрел/ он был расстрелян/.

Я не могу без глубокого волнения вспоминать эту сцену проводов, в особенности тот момент, когда мы обнялись и когда он сказал нам: "Прощайте Товарищи!". Я никогда не могу забыть тех минут, когда он вертел долго, долго в руках шапку, не решаясь её надеть, так это обозначало бы, что надо уходить, а продлить хоть минуты жизни ему хотелось, но его резко торопили, пришедшие за ним шесть человек охраны. Его увод на расстрел произвел настолько тяжелое впечатление на находящихся в камере смертников, что почти целые сутки ни с кем никто не говорил и целые сутки не принимали пищи. Я же лично, в течение целой недели находился в таком потрясении, что не мог ни спать, ни даже есть столько сколько мне было нужно.

Кроме того, до моего прибытия в камеру из неё были взяты на расстрел еще два человека, которых я хорошо знал лично, это: 1). Хлопунов - зав. Кинешемским элеватором заготзерно, член КПСС с 1919 года, в возрасте до 45-и лет. Лично я могу выразиться так, что почти не знал более обаятельного и прекрасного человека. Он был всегда внимателен ко всем, был культурным и грамотным образцом коммуниста и человека, осужденного как "вредителя" и через две недели после ареста был расстрелян.

2). Петров - председатель Правления Небышевского Райпотребсоюза, в 1929 году был моим учеником на кооперативных курсах в Александрове, где я преподавал товароведение, коммунист, отец пятерых детей. На суде заявил: что "как можно судить его не виновного, когда даже фашистский суд оправдал не виновного Дмитрова". На самом же деле он не совершил ни какого преступления. Дней через десять моего пребывания в камере смертников в неё пришел мой защитник Тетюшкин и от него я узнал, что Смирнову и Универу приговор утвержден, Сабурову заменили десятью годами тюремного заключения, а мое дело выделено особо, в то время не было еще принято закона об увеличении срока наказания за контр.революц. преступления. Я выделение дела "особо" воспринял так, что я все же буду расстрелян. После такого сообщения и проводов Аркадьева у меня создалось тяжелое переживание, к тому же из камеры не выводили ни кого по замене сроками. Жизнь в камере протекала и без того напряженно, все мы не засыпали

до утренней ~~х~~"оправки"~~х~~ и завтрака, т.е. до 4-5 часов утра, не потому, что заставляли себя не спать, а потому, что никак не могли заставить себя заснуть, все это время все были как будто не живые, в камере была мертвая тишина, ни кто ни с кем не разговаривал, любые шаги по коридору заставляли всех настораживаться, а отпирание камеры / гром замков / вызывали такое чувство оцепенения, что как будто на миг в тебе остановилась жизнь. С 5-и утра до 11 дня все спали, а затем до ночи чувствовалось какое-то облегчение, а с наступлением ночи, все начиналось с начала, и так в течении 52-х дней.

Кормили нас обычной тюремной пищей, очень плохой, её почти никто не ел; При получении кем либо из смертников продовольственной передачи, он тут же объявлял её собственностью всех, и так делал каждый. Все это складывалось в общую кучу, обезличивалось и копилось, так как и их мы плохо ели.

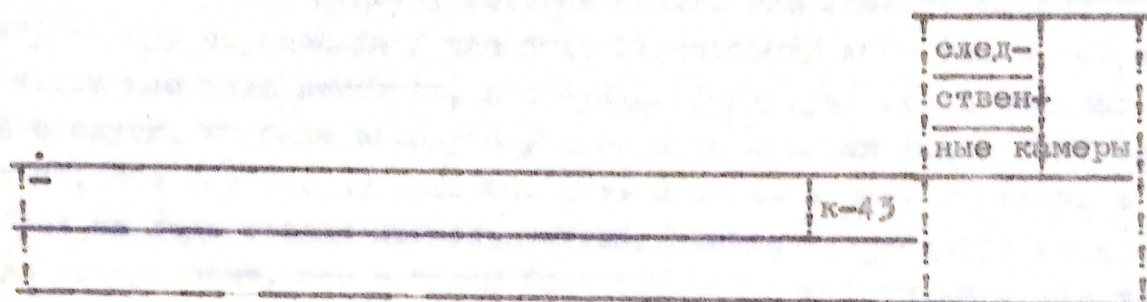
На 52-й день меня вызвали в канцелярию начальника корпуса тюрьмы. Там был комендант Областного суда, который вручил мне телеграмму и сказал: " прочитайте и распишитесь". В телеграмме было дословно написано: " Иваново, Облсуд Власову В.Г. - Вам высшая мера - расстрел заменяется 20-ю годами работы в исправительных трудовых лагерях и пяти годами лишения избирательных прав, по отбытии срока наказания" - подпись член ВЦИК / фамилия/

Я задержался с возвратом ему телеграммы, он дополнительно спросил: "Вам не понятно?". Я ответил: что одно понятно, а другое нет; Мне понятно, что я должен погибнуть в лагере, но не понятно то, что я осужден за неверие в социализм, а во ВЦИКе тоже не верят, неужели будут 25 лет лагеря?, а ведь это не совместимо с социализмом, но ведь их не судят?! Он ответил: " это я не могу объяснить, Вы расписывайтесь"...

День 18 ноября 1937 года был счастливым днем для камеры смертников. Вместе со мной из нее вышли еще шесть человек с разными сроками, и из неё мы все попали вниз в общую камеру, в ней до нас было человек 70. Она была очень маленькой, нормально в ней можно разместить не более 15-и человек. Старосту камеры звали Василий Иванович Савин - этот человек за революционную деятельность при самодержавии отсидел 10 лет во Владимирском центральном, был в Городовце секретарем Горкома КПСС и вот как "враг народа" имел 10 лет. Узнав, что мы бывшие смертники, несмотря на тесноту, дали нам " местечко", на котором можно было сидеть, но не больше. В этой же камере я встретил секретаря парткома Кольчугинского

завода Князева, это был человек смелый, решительный, вел себя непринужденно, был хорошим товарищем. В результате сильного избияния его, он болел, у него были отбиты внутренности / он мочился с кровью/ в данной камере я пробыл не долго. В тюрьме была система гонять отдельными партиями из камеры в камеру, а это сильно изнурило заключенных, так как камеры все были переполнены, то когда попадаешь в новую камеру, приходится начинать с "параша", т.е. никогда не получишь места. Я очень часто попадал в списки перегоняемых. В результате такой гонки мне пришлось с 18 ноября 1937 года по конец января 1938 года побывать в ряде камер. На более характерных из них я хочу остановиться.

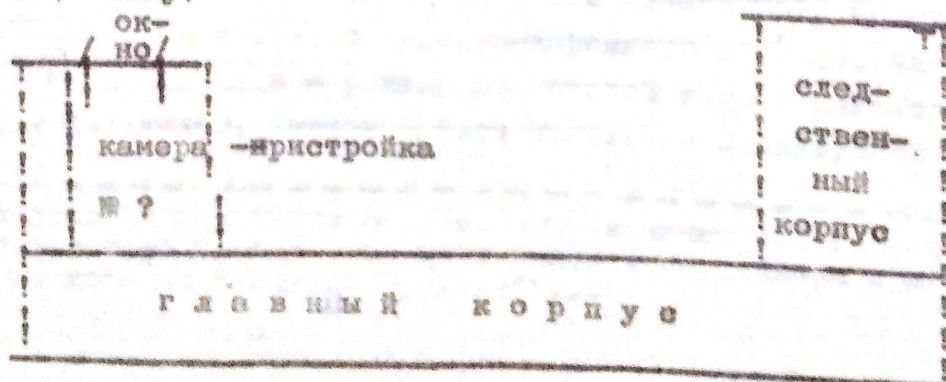
1. Камера № 43 вверху, она была крайней к следственному корпусу под прямым углом : (см. схему)

Я лежал на верхних нарах и мы все находящееся в камере, начиная с вечера и до утра, каждый день слышали крики истязаемых, которых там допрашивали, а также крики и ругань следователей. Я особенно мог это слышать отчетливо, т.к. я лежал на верхних нарах и крайним к окну / в окне стекло не было/. В особенности я не могу забыть крика какой-то женщины. В этой камере я встретился с Гнединым Герасимом — это член КПСС с 1903 года, член Первого Ивановского Совета в 1905 году, он занимал в Иванове должность председателя Общества старых большевиков / ему дали пять лет лишения свободы/.

В камеру иногда заходил начальник корпуса Макаров, вынимал блокнот и говорил: "ну!, кому, что нужно?" и записывал кому что нужно и затем ценично заявлял: "ни ————— вам не будет " и уходил...

2. Камера/номера не помню/, находилась в пристройке к общему корпусу: (см. схему)

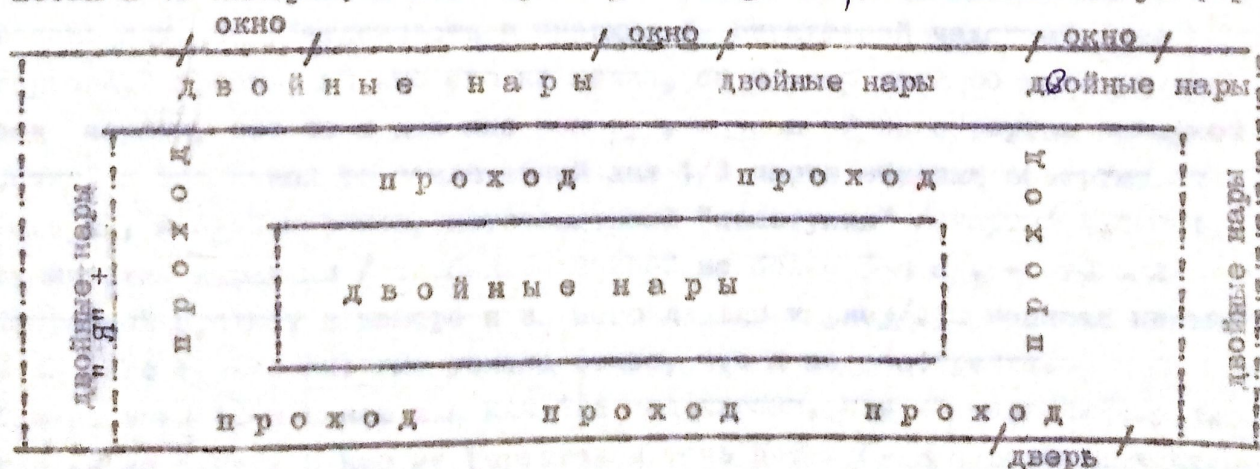

окно которой было в конце приставки (широкое). /В то время на окнах тюрьмы были деревянные "козырьки", т.е. диагонально поставленные деревянные щиты, /тоже не имели стекол и на его решетку заключенные ставили кружки, ночью кто-то из заключенных уронил кружку с верку и она в полете зацепила нижние и на решетке образовался металлический звон. Тут же по окну началась с вышек ~~трех~~ стрельба из пулеметов и попавшими пулями в камеру, было убито и ранено до десяти человек, которые были на нарах. Я находился на полу сидел в проходе у двери. За этот произвольный расстрел начальник этой тюрьмы получил орден, как за мужественное подавление "бунта" заключенных.

3. Из этой камеры я был опять переведен вниз, номера камеры не помню. Она была не большая с одним окном по середине, а по обе стороны были двух ярусные нары. Середина между нарами от окна до двери была заполнена людьми, которые стояли так плотно, ^{что} мы которых в эту камеру переводили / нас было 11 человек / не могли в нее войти но чтобы нас туда втиснуть, нас придавливали дверью шесть человек тюремной obsługi, мы были втиснуты, плотность стоящих людей была так сильна, что невозможно было вытянуть и поднять руку к верку. В таком состоянии люди стояли несколько дней, вплоть до полного изнеможения и до безчувствия, они в таком безчувственном состоянии, как трупы, продолжали стоять среди других - упасть на пол из тесноты было невозможно. Были случаи, что некоторые не выносили психически и сходили с ума. Через несколько часов я был прижат к концам нар, высота их была на уровне коленей, толпа нажимала на меня и концы досок от нар врезались мне в колени, приносили мне страшную боль. Видя мои страдания один из старичков, сидящих на нарах / на них сидели все, лежать было невозможно из-за тесноты /, спросил мою фамилию, я назвал, он сказал: что я не тот ли Власов, что по "Кадыйскому делу"? ⁴⁾ Я признался, что да, тогда он сказал: что он уступит ~~нажимать~~ пол места и об этом просит остальных, сидящие с ним рядом согласились, и я попал на нары и тем был спасен от тех ужасных мучений, которым подвергались стоящие люди в проходе. Обратившийся ко мне был Алашкин, член РСДРП с 1898 года, бывший не раз арестованным и в тюрьме и ссылках до 1917 года. Перед арестом был на пенсии, был расстрелян, остальные: Спиридонов, ^{из} Облпромсовета, член КПСС с 1903 года, член Первого Ивановского Совета в 1905г. Иванов - начальник Ивановского железно-дорожного вокзала, член КПСС с 1903 года. Не помню фамилии - ректор Ивановской высшей сельхоз. парт. школы, старый коммунист. Зернов - член Правления Облпотребсоюза,

 +) "Кадыйское дело" - под таким наизумевшим названием был известен наш процесс в Ивановской тюрьме и во всех камерах спрашивали прибывающих вновь, нет ли кого по "Кадыйскому делу"?...

старый коммунист. Так на этом "подместе" я провел несколько дней и в январе 1933 года ² этой тюрьмы я был этапирован в пересыльную Ивановскую тюрьму № 2, которая находилась на Рабфаковской улице, специально переоборудованная из кустарных мастеровских артели инвалидов. Она состояла из большого двора и трех отдельных зданий, в которых сидели люди и других подсобных. Это было уже расширение территории время расширения тюремной деятельности, за счет которого родилась эта тюрьма. В ней находилось до ~~18000~~ 18000 человек. Да, из которой я прибыл, т.е. по стоянию сильно набитой, тюрьме тоже было 17000. Кроме этих двух существовала еще внутренняя тюрьма НКВД, да несколько КПЗ при районных милициях. Так что в одном Иванове доходило до 40 000 человек, кроме Иванова, в пределах Ивановской области был большой Владимирский централ с несколькими десятками тысяч, еще были большие тюрьмы в Кинешме, Шуе и других городах; Невольно вспоминается выражение "какая ирония судьбы"..... Ивановская область бывшая цитаделью революционного движения стала тюремной "республикой". Снаружи вид этой тюрьмы был такой же, что и первой, на окнах "козырьки", над каждым из них стоял густой пар, выходивший из окон. Это было следствием того, что стекла в окнах заключенные выдавливали, чтобы не задохнуться. Несмотря на зимнее время камеры не отапливались, стекла были выдавлены, из окон, все же на верхних нарах люди сидели голыми и с них беспрерывно тек пот. Это было результатом невероятного перенаселения камер / для примера привожу камеру № 21 ~~2~~: в ней было 323 человека, вместо положенного 17 по норме /. В этой тюрьме и порядок был тот же /очевидно была система /, шла такая же беспричинная гонка из камеры в камеру. Я за время с января по апрель побывал в 12 камерах, более характерна эта № 21, ~~2~~ она имела такую форму:

С начала я стоял в проходе около суток, затем сидел в проходе. В проходе сидели люди спинами к нарам и лицом друг к другу, но так плотно, что по проходу пройти было невозможно и люди на "парашу" ходили по

краям нар, затем я попал под нары / смотри букву "я" в схеме / Это уже считалось "роскошью", хотя во всю длину я лежать не мог, в ногах поперек тоже лежали, сидеть тоже не мог, было низко, т.к. холод из окна без стекол падал на цементный пол, то на нем была вода от испарений, но мы умудрялись поверх воды клали доски. Там под нарами была вечная ночь. Я потерял даже счет дням. К этому времени я не был в бане уже три месяца. Другие тоже не меньше. У нас у всех было столько вшей, что от их укусов у меня на ногах образовались язвы, которые никто не лечил. К тому же я с момента ареста не менял белья, оно полусгнило и висело на мне лентами. Потом вдруг началась еженедельная мучительная гонка в баню, целой камеры вместе / нашей камере особенно было плохо, потому что нас было много /, с прожаркой всего "барахла", какое у нас было. Мы были удивлены: почему это так?, но оказалось, что в тюрьме вспыхнул тиф. Лично я видел через щель / прогулочного ящика / как в соседнем прогулочном ящике лежали трупы сложенные в поленницу, наподобие дров. Получение хлеба и тюремной "баланды" происходило у раскрытой двери камеры, заключенные разбивались по десяткам и старший десятка получал и обеспечивал всем положенное. Но это была доходная должность: если кто либо умирал в десятке, в частности под нарами, то на него продолжали получать паек, пока он станет разлагаться, и в дальнейшем становится нетерпим. Я с момента ареста и до января не мог семье дать никакой весточки о себе. При обращении к начальнику корпуса написать, он отвечал: "нишита", я говорил: нужна бумага, — "бумага не полагается".

Этот до нельзя заколдованный круг и был причиной. Из него я вышел только так: под нарами со мной рядом лежал человек, переведенный из Владимирского централа, Ивановский рабочий / столяр /, отсидевший восемь лет, за убежденность в анархизме, страдавший чахоткой, уже харкавший кровью, ни кто его не лечил, он и умер лежа со мной рядом под нарами, вот он и дал мне конверт, сделанный из обертки сахарной пачки, и еще какой то заключенный дал 1/2 части обертки от махорки, и один паренек, изготавливавший "колотушки" / карты / дал мне химический карандаш / он был величиной не более 5-и см. — это был запретный предмет в камере и за него давали карцер /. Я написал письмо и из него только впервые узнала семья, что я не расстрелян. Так во всех 12-и камерах я или был под нарами, или на верхних нарах, где ни на минуту с нас не переставал течь пот и была невероятная духота. В этой тюрьме очень много я встретил весьма характерных "преступников": тут было много военных, в основном офицеры всех рангов, работников учреждений всех должностей: инженеров, учителей, студентов, жителей деревень — не колхозников, служителей культа и другие. Для примера я приведу только несколько лиц: / фамилии не помню / бывший рабочий

какой то Ивановской фабрики, пенсионер 68 лет, ходил по квартирам и у обеспеченных людей колол дрова, за что получал 3-5 рублей и "сто грамм". Однажды вечером, после всего этого, проходя мимо столба с репродуктором против Горсовета он остановился и сказал: говорят по радио, много хлеба, а торгуют "дорого"... Его переспросил постовой милиционер, что он тут говорит? Он дословно повторил. Был задержан и по приговору спец. коллеги получил восемь лет. Он настолько не мог понять, что это серьезно / т.е. был наивен, как говорят/, все просился у дежурного надзирателя пустить его домой, покончить там с оставшимся его добром / он жил один/ и вернуться в тюрьму. Да, он вернулся бы, так он уверял, что ему уже трудно заработать, что он стар, а тут хоть неважно, но кормят. Я был очень удивлен его приговором, считая, что это какое то головотяпство работников областного суда. Написал ему жалобу в Верховный суд и через две недели был получен ответ: "приговор оставить в силе"... Я тут ретил, что такая жестокая несправедливость идет не снизу в верх, а с верха вниз....

2). Колхозник из колхоза недалеко от г. Шуя, в возрасте 35-и лет / он лежал со мной рядом под нарами/, был возчиком суровья из г. Шуя в г. Иваново. Поставив лошадь в переулке пошел в магазин, чтобы купить баранок своим ребятишкам. В этот переулочек выходили ворота какой-то фабрики, на них были портреты ударников, иллюминированные цветными лампочками. Когда он возвращался с баранками, они у него были завернуты в бумагу, он засмотрелся на ворота, упал и рассыпал баранки. Когда он ползая по снегу собирал их, мимо проходил милиционер и спросил: что случилось?, он ответил, не поднимая головы: " вот засмотрелся на ~~завод~~ эту ----- мать и упал / указывая на иллюминированные ворота/. Милиционер переспросил, он дословно повторил - был задержан им, арестован прямо с места "происшествия" и получил пять лет лишения свободы

3). Копейкин - абсолютно слепой! занимался только тем, что сидел на рынке в г. Юрьевце на Волге и просил милостыню, т.е. сидел с шапкой в которую ему подавали монеты / я сам ему подавал не раз /, в возрасте 70-и лет. Его я встретил в камере № 43 и страшно был удивлен и заинтересовался, прочитав его приговор, в котором говорилось: что он приговаривается за контр-революционную деятельность к 10-и годам лишения свободы, но учитывая, что он слепой и в лагерях использован быть не может, заменить ему лагеря тюремным заключением. Кажется, немыслимо такое, чтобы человек только за то, что он слепой должен быть тяжелее наказан - но факт / тюремное заключение по закону считается тяжелым наказанием /... Даже жестокий, пружестокий начальник корпуса тюрьмы и тот когда приходил в камеру говорил: "ребята, не обижайте Копейкина" а вот какой был суд? который его осудил, да еще с заменой лагерей

тюрьмой?! — пусть об этом задумается тот, кто будет читать это...

У.

Вследствии эпидемии тифа тюрьма имела карантин и более 4-х месяцев не было никакого движения заключенных, т.е. из неё не было этапа. В конце апреля начали собирать этап и 28-го числа он был отправлен из Иванова, в который попал и я. Был отправлен специальный эшелон в количестве 50-60 товарных вагонов = 2000 человек. Куда нас везли-никто не знал, и по проезжающим станциям гадали, куда. 1-го Мая мы были на станции Мураши, это между Кировым и Котласом, а 2-го Мая были в Котласе, где нас выгрузили на специальный пересыльный пункт. Пересыльный пункт представлял из себя следующее: большая площадь на берегу реки Северная Двина была обнесена колючей проволокой, внутри её было несколько отдельных одноэтажных бараков, стены которых были наспех сколочены из горбылей и сверху накрыт брезантом. Ни какого отопления в них не было, окон тоже, но этого "жилья" всем не хватало, и большее количество заключенных находились под открытым небом, несмотря на то, что погода была холодная: днем шел мокрый снег, а по ночам были заморозки. И чтобы не было движения по всему пункту, отдельные бараки тоже были огорожены колючей проволокой, а в проходах стояли дежурные, которые не давали ни входа, ни выхода без "начальства". Которые не были в бараках, они также разделялись отдельными не большими зонами из колючей проволоки, т.е. что то похожее на коллективные клетки зверинца. Наше общение шло через проволоку, которую мы облепляли с обеих сторон. Так как в тюрьме тоже не было покоя, нас почти все время выстраивали большими группами по десять в ряд и беспрерывно считали. На этой пересылке в то время было 20000 человек.

Через неделю началось опять формирование этапа и 7-го мая он был отправлен, в котором оказался и я. Он состоял тоже из 2-х тысяч человек. Нас погрузили в три баржи. Размещены мы были на дне баржи прямо на полу. Баржа сверху была закрыта брезантом. Теснота была такая что мы в барже могли лежать только на боку, но мне еще "повезло": в нашей барже были только заключенные со сроком от 15 до 25 лет, т.е. отдельно, нас в барже было 475 человек, а в остальных больше. Везли нас неделю. На дне баржи мы совершенно не представляли, куда нас везут? Последние два дня нас не кормили. Начальник конвоя говорил: что не рассчитали количество дней, взяли, не угадали, сколько нужно... А как было на самом деле — не известно потому, что по прибытии нам при продовольствие не ~~у~~обновили. Говорили так: ~~х~~ прожили — за старое не выдаем! /

Через семь дней нас привезли в Княж-Погост / в настоящее время поселок Железнодорожный /

в Коми АССР на реке Вымь в 70-и километрах ~~вниз~~ от ~~ее~~ впадения в реку Вычегду у селения Коми "Усть-вым". Весь этап 2000 человек был помещен на вновь образованном пересыльном пункте, до нашего прибытия там уже были заключенные. Пересыльный пункт из себя представлял следующее:— это несколько палаток обнесенных колючей проволокой, расположенный у тракта на Чибью / Ухту/ на таком болоте / как-будто не было другого места в необъятной Коми АССР/, по которому от палатки до палатки можно было пройти только по специально уложенным жердям. Малейшая оплошность приводила к тому, что вязли выше колен. Палатки были устроены так: каркас из жердей, закрытый брезентовой палаткой, причем, палатки до земли не доходили и к тому же были рваные. Внутри их были двойные нары из жердей, между ними посередине вместо пола были тоже жерди; Проходя по ним тоже приходилось иногда попадать в болотную грязь выше колен. Ночью температура была ниже нуля, и чтобы утром умыться, я пробивал лед под нарами и доставал воду. Этой же водой пользовались и для питья.

Кормили нас по способу стадных животных;—среди пересыльного пункта был подвешен на бревне большой чугунный котел, в нем два раза в день варилось какое-то ^{вариво}~~вариво~~, состоящее из овсянки или ячменной сечки с рыбой, все это варилось вместе, рыба разваривалась и ^{вариво}~~вариво~~ представляло из себя какую-то затирку с костями.

У большинства заключенных не было ни какой посуды и даже ложек, и ни то ни другое им не выдавалось. Для получения этого ^{варива}~~варива~~ /ба-ланды/людей выгоняли из палаток, выстраивали по десяткам, подгоняли к котлу и начиналась раздача. Получал кто во что мог:кружки, коробки, банки, ядички, фуражки или шапки и даже в полу своей верхней одежды, а кто не смог ни во что получить — оставался без всего, т.к. второй раз подойти было невозможно, потому что получившая "палатка" снова загонялась и не выпускалась.

На этой ужасной пересылке я пробыл три недели и за это время прибыло три этапа, до 2000 каждый и также убывало много этапов и на ней постоянное количество не было меньше 1500-2000 человек. Тех, кто не уходил на этап гоняли на разгрузку барж с различными материалами для строительства жел.дорог и других материалов.

До зимы 1937-1938 гг на весь этот северный угол, включая и Коми АССР был один лагерь "Ух^тпечлаг" он имел четыре отделения: строительное, лесное, нефтяное и угольное, а вследствие ~~з~~активной работы НКВД по вербовке ~~з~~ было необходимо расширить число лагерей и из одного лагеря "Ух^тпечлага" было создано 4-е лагеря / т.е. рост в четыре раза /, а именно: "Сев^ер^дорлаг"— по строительству жел.дорог Котлас-Воркута; Воркут-лаг по добыче угля; Ух^т-лаг по добыче нефти и других работ в Ухте /Чибью/ и "Устьвымлаг"— по лесозаготовкам.